

Оскар Медичи
МЕДИЧИ

СЕДЬМАЯ КНИГА

Оскар Мединг

Медичи

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6506943

Медичи: Седьмая книга;
ISBN 978-5-906-13726-5

Аннотация

Драматическая история высочайшего благородства, глубочайшего падения, невысказанных извращений. История великолепия и низости, еретиков и Римских Пап, королей, купцов и нищих.

Эпоха Средневековья изобилует удивительными и загадочными людьми, которые до сих пор будоражат воображение своими деяниями. Самыми знаменитыми из них по праву считаются флорентийские и тосканские герцоги Медичи. Врачи, интриганы, хитрые политики и искусные дипломаты, они оставили свой кровавый след в истории человечества. О взлетах и падениях династии Медичи, о том, чем она прославилась, и пойдет речь в захватывающем романе Оскара Мединга.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	50
Глава 4	60
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Оскар Мединг

Медичи

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Во второй половине XV столетия, когда папский престол занимал Сикст IV, и двор его в Риме представляли кардиналы, превосходившие роскошью своей жизни королей, римские аристократы и посланники всех государств Европы, верхушка финансового мира, проживали большей частью на Виа де-Банки, ведущей к мосту Ангелов и к церкви Сан-Анжело. Эта улица называется теперь де-Банки Векки, а к ней примыкает де-Банки Нуови. Тут размещались большие банкирские дома, находившиеся почти исключительно в руках флорентийцев. Тут же были дворцы денежных тузов того времени, частью вымерших уже, частью ставших князьями, как Строцци, Чита, Никколи, Альтовини, а также представителей обоих патрицианских родов Флоренции: Пацци и Медичи. Банк Пацци находился около моста, а несколько дальше – банк Медичи, превосходивший всех других богатством, вроде Ротшильдов. Медичи были казначеями папского престола и ведали всеми официальными и личными денежными делами папы и большинства кардиналов. Они имели филиалы во всех городах Франции, Италии, Испании, и в то время не было ни одного крупного финансового дела, в котором Медичи не играли бы ведущую роль. Все здания банков были дворцами, под сводами которых хранилось золото, серебро и всевозможные драгоценности; в нижних этажах и во дворах

помещались обширные конторы, в верхних этажах – жилые и приемные покои владельцев. Дворцы эти теперь разрушены или служат жилищем простого народа; в окнах вместо роскошных шелковых занавесей висит грязное белье; под величественными порталами, в которые въезжали посланники князей и королей, нуждающихся в деньгах, или посланники денежных воротил, с известиями о крупнейших промышленных и финансовых операциях, теперь бегают оборванные ребяташки.

Представителем дома Пацци в те давние времена был племянник Жакопо молодой Франческо Пацци, а представителем дома Медичи был Джованни Торнабуони, дядя по женской линии Лоренцо Медичи, стоявшего во главе Флорентийской республики.

Обе семьи состояли в родстве, так как сестра Лоренцо Бьянка вышла замуж за Гульельмо Пацци. Тем не менее, между ними всегда было известное соперничество, так как Пацци принадлежали к древним флорентийским патрициям, а Медичи поддерживались народной демократической партией и были обязаны своим положением во Флоренции ее любви и почитанию.

Это соперничество, или ревность, сказывалось и во взаимоотношениях банков, хотя представители их с виду были дружны между собой. Пацци часто находили, что Медичи перебивают у них дела или портят их. И это было так. Медичи, будучи казначеями папского престола, естественно, име-

ли большое влияние в финансовом мире и были посвящены в политические события, оказывающие влияние на денежные операции.

Итак, Рим, январь 1477 года, вечер... С моста на безлюдную Виа де-Банки въехал на чудном рыжем андалузском жеребце мужчина лет тридцати пяти – сорока. У него гордая осанка; смуглое лицо с горбатым носом и черной клинообразной бородкой носило отпечаток бурных страстей, глаза то загорались огнем, то принимали безразличное выражение, скрываясь под опущенными веками. На кудрявых волосах его был берет, опущенный дорогим мехом, темный бархатный плащ тоже был опущен мехом, драгоценные камни украшали рукоятки его шпаги и кинжала.

Два служителя ехали впереди с зажженными факелами, шестеро следовали сзади на почтительном расстоянии. Как одежда слуг, так и великолепная сбруя лошадей свидетельствовали о богатстве и знатности их хозяина.

Немногочисленные прохожие и банковские конторщики уступали дорогу и почтительно кланялись известному всем графу Джироламо Риарио, племяннику папы, который после смерти своего брата, возведенного Сикстом IV из простых монахов в кардиналы, пользовался почти исключительным влиянием на его святейшество. Граф был одарен папой несметными богатствами и затмевал своей роскошью всех римских князей.

Граф Джироламо едва кивал головой в ответ на почтительные поклоны прохожих и вскоре остановился у дворца Медичи, над порталом которого был виден высеченный из камня их фамильный герб – шесть шаров с тремя страусовыми перьями.

Слуга подбежал поддержать стремя, Джироламо легко спрыгнул с лошади и прошел в ворота, оставив свиту на улице.

В просторном вестибюле, освещенном восковыми факелами на чугунных подставках, графа почтительно встретили слуги и проводили по ярко освещенному коридору со сводами до рабочего кабинета хозяина дворца Джованни Торнабуони.

Вся обстановка кабинета отличалась деловой простотой, но соответствовала блеску дома Медичи и его богатству. Из просторной приемной, мозаичный пол которой покрывали драгоценные восточные ковры, граф вошел в большой кабинет, где вдоль стен стояли резные шкафы с книгами и документами, а посередине – письменный стол, освещенный бронзовой люстрой с восковыми свечами и заваленный бумагами.

Джованни Торнабуони было около пятидесяти лет. Он был одет в широкое домашнее платье из черной шелковой материи, отороченное мехом. Тонкое, спокойное лицо с темными умными глазами, без бороды и усов, седеющие, назад зачесанные волосы изобличали вполне светского человека с

твердой, непреклонной волей.

Он встретил графа на пороге и сказал, поклонившись:

– Очень сожалею, ваше сиятельство, что вы дали себе труд войти в мой скромный кабинет. Если бы я знал заранее о вашем посещении, то мог бы более достойно принять вас.

– Это ничего не значит, милый друг, – отвечал Джироламо, снисходительно протягивая руку, – я знаю, что ваш дворец может достойно принять даже его святейшество, но я приехал к вам не с церемонным визитом, а поговорить по делу и скорее его закончить, для чего это помещение самое подходящее.

– Я к услугам вашего сиятельства, – сказал Торнабуони, придвигая кресло графу, а сам уселся на деревянный резной стул у стола.

– Вам известно, – начал Джироламо, – что его святейшество купил у герцога Галеаццо-Мария Миланского город Имола, приобретенный им у Манфреди. Смерть герцога Галеаццо, погибшего от руки дерзких убийц, несколько задержала окончание этого дела, но теперь все устроено с герцогиней-регентшей, и покупка состоялась, только надо внести сумму в тридцать тысяч золотых флоринов. Его святейшество, понятно, не имеет таких денег в своей шкатулке, а их надо выплатить как можно скорее. Святой отец очень желает окончить дело, да и я в этом заинтересован, – прибавил граф с улыбкой, – так как святой отец в неисчерпаемой милости своей решил подарить мне поместье Имола. Меня особенно

радует соседство Флорентийской республики, что дает мне возможность еще более укрепить дружеские отношения с вашим племянником.

Торнабуони слушал молча, ни один мускул у него не дрогнул, и он спокойно ответил графу:

– Мне известно об этих переговорах, ваше сиятельство. Его святейшество милостиво уведомил меня об этом, и я уже дал знать во Флоренцию. Могу вас заверить, что синьория моего родного города, а тем более мой племянник Лоренцо будут очень обрадованы вашим дружеским расположением. Мы со своей стороны уже давно принимаем все меры, чтобы найти эту сумму.

– Отлично! – радостно воскликнул Джироламо. – Значит, дело, по которому я приехал, окончено и я скоро буду иметь удовольствие посетить Лоренцо из Имолы.

– Я сказал вашему сиятельству, что мы приняли все меры для отыскания этой суммы, но до сих пор, к сожалению, нам это не удалось. Времена тяжелые, дела дают мало дохода, а наши капиталы вложены в предприятия.

Джироламо побледнел, глаза его сердито сверкнули, и он сказал с язвительной улыбкой:

– Я думал, тридцать тысяч не имеют значения для дома Медичи, а если ваши собственные капиталы несвободны в данную минуту, как вы говорите, то с вашим кредитом нетрудно достать эту сумму через посредство других банков. Его святейшество рассчитывал – и, конечно, с полным

правом – на скорое и удачное посредничество, так как дом Медичи состоит казначеем папского престола и обязан заботиться обо всех его потребностях.

– Мы знаем и высоко ценим свои обязанности, которые налагает на нас звание казначея его святейшества, и уже обращались за посредничеством, о котором вы изволили упомянуть, обращались даже к банкам Франции и Испании, но, как я имел честь сообщить вам, все наши старания пока напрасны, и самое большее, что мы могли бы сделать, это выплачивать сумму частями.

– Это ни к чему не приведет, – нетерпеливо вскричал Джироламо. – В Милане требуют немедленной оплаты и...

– Это невозможно, – спокойно заявил Торнабуони. – Его святейшество знает, что мы всегда стремимся исполнять его желания, хотя он предъявляет к нам очень большие требования, и мы не преминем продолжать наши поиски с должным старанием.

– А в какое время вы надеетесь это выполнить? – спросил Джироламо.

Торнабуони пожал плечами:

– На это я не в состоянии ответить вам сейчас, граф, но потребуется довольно много времени... Ни один из здешних банкирских домов не взялся бы выполнить наше поручение.

Джироламо закусил губу и с трудом сдерживал закипавшую злобу.

– А Пацци? – спросил он. – Вы не обращались к ним? Они

ведь располагают большими средствами.

– К ним мы не обращались, – сказал Торнабуони. – Я убежден, что и они не могут без посторонней поддержки пойти на такое крупное дело... Кроме того, вашему сиятельству известно, что Пацци, несмотря на родство с Медичи, питают к нам недоброжелательство, и они, я думаю, не были бы склонны помогать.

При последних словах в глазах Джироламо мелькнуло хитрое выражение.

– Значит, вы ничего другого не можете мне сказать? – коротко спросил он.

– К сожалению, не могу, чтобы не возбуждать ложную надежду, но, повторяю, мы приложим все старания. Я советовал бы вам условиться со Сфорца платить по частям; могу заверить, что Лоренцо употребит свое влияние в Милане для такого соглашения.

– Благодарю за вашу готовность, я доложу его святейшеству о таком неприятном положении дела. Боюсь, что святой отец будет очень недоволен, даже больше, чем я, хотя это, прежде всего, касается меня.

– Если бы я имел честь говорить с его святейшеством, то и тогда бы не мог дать другого ответа, – сказал Торнабуони. – Но я уверен, что соглашение со Сфорца может состояться, так как и они должны желать оставить за собой милость святого отца и упрочить нашу дружбу.

– Надо подумать, что предпринять, – заметил Джироламо,

быстро поднимаясь.

Его лицо приняло совсем равнодушное выражение. Он небрежно протянул руку Торнабуони, и тот почтительно проводил его до двери.

В приемной им встретился молодой человек, не более двадцати лет, в богатом, плотно прилегавшем камзоле, по моде того времени, со шпагой и коротким кинжалом у золотого парчового пояса.

У него была удивительно благородная и симпатичная наружность. Лицо с тонкими, правильными чертами, какие встречаются на старинных портретах, выражало волю и решимость, соединенные с обаянием юности. Темные глаза смотрели удивленно и вопросительно, а мечтательное выражение придавало им особую прелесть. Густые черные волосы волнами лежали на плечах.

Он низко поклонился, а Торнабуони сказал:

– Ваше сиятельство, позвольте мне представить вам моего племянника Козимо Ручеллаи. Он приехал ко мне, чтобы немного ознакомиться с ведением дел. Прошу не отказать ему в вашем милостивом благоволении.

– А! Ручеллаи, – сказал граф. – Имя мне знакомо, и хорошо звучит. Ваша мать Наннина Медичи?

– Совершенно верно, – ответил молодой человек. – Ваше сиятельство очень добры, что сохранили доброе воспоминание о моей семье.

– Как же иначе, – заметил граф и прибавил с оттенком

горечи: – Медичи уже давно мои друзья и преданные слуги папского престола... Я буду очень рад, синьор Ручеллаи, если смогу быть вам полезен.

Он протянул молодому человеку руку, которую тот почти-точно пожал, и быстро направился к выходу.

Торнабуони проводил его до вестибюля. А Козимо вышел с графом на улицу, подал ему стремя, и граф, кивнув головой, медленно поехал по направлению к мосту.

– Проклятые торгаши, – ворчал он про себя, – и подлые лицемеры! К ним золото льется из всех стран Европы, они казначеи папского престола и нигде не могут набрать жалкую сумму в тридцать тысяч флоринов! Это ложь, наглая ложь, низкая измена... А может быть, и Сфорца с ними заодно, они всегда вместе старались умалить нашу власть... Может быть, они раскаиваются в продаже Имолы и прячутся за спину этого лицемера Лоренцо, чтобы дело не состоялось. Уж поплатятся они мне за это нахальство, как только представится случай!

Яркий свет факелов показался впереди. Джироламо увидел, почти у головы своей лошади, молодого человека лет двадцати пяти, в богатой одежде, в накинутом на плечи меховом плаще. Сняв берет, тот низко кланялся, а его слуги почтительно отступили.

Когда молодой человек поднял голову, Джироламо сразу узнал его смуглое лицо с гордо и смело блестящими глазами.

Торжествующая улыбка мелькнула на губах графа, точно ему внезапно пришла счастливая мысль.

Он остановил лошадь, протянул руку молодому человеку и любезно сказал:

– Это вы, синьор Франческо Пацци, и пешком в такую пору? Можно подумать, что вы идете на любовное свидание, если бы только не факелы, при свете которых вас каждый узнает.

Молодой человек слегка покраснел от шутки графа.

– Мне идти недалеко, и не стоит садиться на лошадь.

– А, значит, вы идете к вашему дорогому родственнику Торнабуони, у которого такие музыкальные вечера, что о них говорит весь Рим. Я слышал также, что у него в доме есть магнит, очень притягательный для молодого человека. Ведь там гостит маркиза Маляспини Фосдинуово со своей дочерью Джованной, которая, говорят, чудо красоты.

– Я действительно направляюсь к Торнабуони, – поспешно сказал Франческо Пацци. – Что касается моего родства с ним, то оно весьма отдаленное, я не придаю ему никакого значения.

– Вам это и не нужно! Пацци были уже древней, знаменитой фамилией, когда Медичи еще ничего из себя не представляли... Как хорошо, что я вас встретил, мне бы хотелось с вами поговорить.

– Я к вашим услугам, ваше сиятельство, – сказал Франческо – Наш дом в нескольких шагах отсюда, если пожелаете

оказать мне честь вашим посещением, или, если прикажете, я провожу вас до вашего дворца.

– Нет-нет, я не хочу отвлекать вас от прелестной Джованны, но когда там гости разойдутся, вы очень обрадуете меня, если зайдете ко мне. Я буду вас ждать, хотя бы это было и очень поздно.

– Вы очень милостивы, ваше сиятельство, я не премину зайти.

И Франческо продолжил свой путь ко дворцу Медичи в сопровождении своих слуг.

Торнабуони в раздумье вернулся в свой кабинет.

«Это опасная игра, – думал он, пряча корреспонденцию в письменный стол, – папа уже недоволен, что его желания встречают сопротивление во Флоренции. А твердо рассчитывать на Венецию и Милан мы не можем, так как, несмотря на их дружеские заверения, они с завистью смотрят на нас. Я сознаю, как и Лоренцо, что нас хотят окрутить цепью, которую можно будет затянуть по первому знаку из Рима, причем Имола будет главным звеном этой цепи. Но, тем не менее, рискованно раздражать папу отказом предоставить ему эти тридцать тысяч золотых флоринов, так как он отлично знает, что мы можем их достать, и даже вправе требовать от нас этой услуги... И помешаем ли мы покупке Имолы? Может быть, Сфорца все же рассрочат платеж, а Джироламо в своем озлоблении будет еще более опасным соседом для Флорентийской республики... Я боюсь, что Лоренцо по горячно-

сти молодости слишком надеется на свое влияние, а было бы лучше, пожалуй, действовать осторожно и попробовать восстановить дружбу с папой, а потом разумно и мерно укреплять независимость Флоренции, чем рисковать ею в борьбе. Завтра я опять попрошу графа дать нам срок и предостерегу Лоренцо...»

Это решение успокоило Торнабуони: оно представляло собой золотую середину, что вполне соответствовало его рассудительному характеру. Лицо его приняло обычное приветливое выражение, он запер стол и шкафы и поднялся по лестнице, чтобы провести вечер, как всегда, в кругу семьи и друзей.

Жилые помещения находились в так называемой мещанин – небольшом этаже между нижним и бельэтажем. Но и тут, в простых покоях семьи видна была роскошь солидная и изящная, выделявшаяся даже среди блеска тогдашнего Рима. Широкие коридоры были ярко освещены восковыми факелами, и многочисленные лакеи стояли, отворяя двери и провожая посетителей. Драгоценные ковры лежали на мозаичных полах; картины лучших мастеров, старинные вазы и скульптуры украшали стены, покрытые мрамором или художественной деревянной резьбой; восковые свечи в хрустальных люстрах и канделябрах ярко освещали комнаты, а в каминах горели дрова из душистых хвойных деревьев, распространяя приятное тепло.

Торнабуони прошел несколько комнат и вошел в круглый

зал, где собралось человек пятнадцать гостей, которые оживленно беседовали, разбившись на несколько групп.

Рядом с женой Торнабуони Маддаленой на широком диване сидела маркиза де Маляспини, и с ними разговаривал, сидя в золоченом кресле, Наполеоне Орсини, брат жены Лоренцо Медичи, человек лет тридцати пяти, удивительно аристократической внешности, с тонким, умным лицом, соединявший в себе все свойства вполне светского человека с достоинством духовного сана.

На стуле рядом с маркизой сидела ее семнадцатилетняя дочь Джованна, нежное, прелестное создание с темно-голубыми глазами, только что пробудившимися к жизни; ее густые волосы имели тот золотисто-белокурый оттенок, который так высоко ценится в Италии и мастерски изображен на картинах Тициана.

На ней было белое шелковое платье, шитое золотом и отделанное драгоценными кружевами, а вместо бриллиантов ее украшали только живые цветы. Кардинал Наполеоне был, конечно, прав, говоря, что Джованну создали ангелы на утренней заре из солнечного света и аромата цветов.

На низенькой скамеечке у ее ног поместился Козимо Ручеллаи, который, проводив графа Джироламо, пришел сюда раньше своего дяди Торнабуони.

Молодые люди не разговаривали, а внимательно и почтительно слушали остроумную, веселую болтовню кардинала, который умел смешить серьезную донну Маддалену и гор-

дую маркизу своими смелыми шутками. Можно было подумать, что Козимо и Джованне совсем нечего сказать друг другу, но это было не так, и внимательный наблюдатель заметил бы все. Джованна чувствовала устремленный на нее взгляд Козимо, краснела, сама взглядывала мельком на него и быстро отворачивалась, краснея еще сильнее, но с выражением радости в глазах.

Остальные гости сидели или стояли в зале, разделяясь на группы. Тут были главным образом молодые музыканты, живописцы, скульпторы и между ними высокообразованный знаток всех искусств, посланник Флорентийской республики Донато Аччауоли; он умел разыскивать молодые таланты и оказывать им широкую поддержку.

Торнабуони галантно приветствовал маркизу и ее дочь, которые приехали погостить к нему, чтобы познакомиться с римским обществом, почтительно пожал руку кардиналу и отошел к другим гостям.

Вскоре в зал вошел Франческо Пацци с букетом свежих роз. Он сейчас же увидел Джованну и Козимо.

Торнабуони пошел к нему навстречу, вежливо поклонился и сказал:

– Меня очень радует, синьор Франческо, что вы и сегодня вспомнили нас. Флорентийцы должны быть близки и за пределами родины, особенно когда их семьи связаны родством и дружбой.

Франческо ответил только низким поклоном и поспешил

раскланяться с дамами и кардиналом.

– Я нашел у нас в оранжереях розы, большую редкость в это время года, и они исполнят свое назначение, если маркиза Джованна будет так милостива принять их в знак моего восторга и поклонения; жаль только, что они утратят всю свою прелесть в сравнении с ее красотой.

И Франческо с глубоким поклоном подал Джованне букет, перевязанный широкой золотой лентой.

Она покраснела, наклонилась понюхать цветы и сказала несколько слов благодарности, тогда как Козимо побледнел.

– Если эти прелестные розы не могут соперничать с красотой нашей милой маркизы, то они еще меньше напоминают ее своими сердитыми шипами, – с улыбкой заметил кардинал и продолжил, взглянув на обоих мужчин:

– Положим, у красавиц есть тоже шипы, но они не опасны тому, кому красавицы дарят свою благосклонность, а роза колет каждого.

Джованна еще гуще покраснела и невольно посмотрела на Козимо особенно лучистым взглядом, который не укрылся от Франческо, и его резкое слово уже готово было сорваться с языка, но Торнабуони подошел к маркизе и попросил позволения молодому певцу спеть им же написанный романс.

Молодой музыкант, впервые привезенный Аччауоли в это общество, куда стремились попасть все римские художники, вышел на середину зала и запел, аккомпанируя себе на мандолине.

Это была песнь любви в романтично-меланхолическом духе того времени, с высокопарными выражениями восторга, поклонения и с трогательными жалобами на жестокосердие возлюбленной. Мелодия была нежная, задушевная, голос у певца прекрасный, и аккомпанировал он себе мастерски.

Все слушали с напряженным вниманием.

Так как Козимо не уступал своего места около Джованны, то Франческо Пацци присоединился к остальным слушателям, но не сводил мрачного взгляда с молодых людей.

– Как чудно и как правдиво! – шептал Козимо на ухо Джованне, наклонившейся к нему. – Бедный певец жалуется, что дама его сердца отказывает ему в любезности, в которой не отказывают даже другу. Она не дает ему цветов, о котором он молит, чтобы вспоминать в разлуке ее прелесть и красоту... Ведь цветок можно подарить другу, не правда ли, синьорина Джованна? Бедный певец имеет право жаловаться и вздыхать?

Она кивнула головой и вопросительно посмотрела на него.

– Синьорина Джованна, – продолжал он, – вы не были бы так же жестоки, если бы я попросил у вас цветок? Я не сумел бы так прекрасно плакать, как этот певец сейчас, но тем сильнее было бы мое горе.

Она опять посмотрела на него, слегка покраснела и, выдернув розу из букета, положила ее в протянутую руку Козимо.

В эту минуту стул, на спинку которого опирался Франческо, резко стукнул по мозаичному полу, и все оглянулись, но, вероятно, это была случайность, так как Франческо стоял неподвижно, опираясь на стул и упорно глядя на певца, только лицо его стало мрачнее, вероятно под влиянием захватившей его музыки.

Козимо не обратил на это внимания, взял цветок, поднес к губам и спрятал на груди.

– О, благодарю вас, Джованна, благодарю! Теперь мне хочется закричать от радости в ответ на эту печальную мелодию. Вы позволили мне называться вашим другом...

Джованна казалась совсем погруженной в музыку, щеки ее горели, глаза блестели. И певец, глядя на нее, должен был радоваться впечатлению, произведенному его исполнением. Никто не знал, что Козимо держит ее руку, и он один чувствовал иногда легкое ответное пожатие. Но Франческо Пацци все это видел.

Когда пение окончилось, кардинал первым шумно зааплодировал, а все последовали его примеру. Козимо подошел высказать свою благодарность за музыку.

Франческо Пацци холодно и серьезно разговаривал с мужчинами. Когда лакеи распахнули двери в столовую, он подошел к Торнабуони и выразил сожаление, что неотложные дела лишают его возможности остаться на ужин. Он простился с дамами и поспешно удалился, а общество направилось к столу, убранному дорогим серебром и живыми цветами.

Кардинал и Аччауоли предложили руку пожилым дамам. Торнабуони сел против них, остальные гости разместились по собственному выбору и желанию; Козимо Ручеллаи, как близкий родственник хозяина дома, сел рядом с Джованной.

По обычаю дома Медичи, стол был проще, чем можно было ожидать по роскошной сервировке. Немногочисленные блюда состояли из дичи, прекрасных овощей и чудных фруктов. Вина были безукоризненны, так что даже понимающий и избалованный кардинал Наполеоне не мог возразить и своей веселостью и остроумием способствовал все большему оживлению общества.

Но самым счастливым из всех был все-таки Козимо, и ему не нужно было никаких вин для подъема настроения. Он оживленно разговаривал с Джованной; среди общего говора никто не мог их слышать, даже если бы они не говорили вполголоса, но, верно, они говорили о чем-то радостном и веселом, так как глаза Джованны блестели под шелковистыми ресницами, и она часто краснела со счастливым выражением лица.

Кардинал Наполеоне иногда с улыбкой поглядывал на них, обращаясь с шуткой, и его особенно радовало, как они точно пробуждаются ото сна и отвечают ему часто совсем невпопад.

По окончании ужина кардинал простился и шепнул несколько слов Джованне, от которых прелестная девушка густо покраснела, а Козимо, проводившему его до стоявшего

у ворот паланкина, он сказал:

– Желаю вам счастья, мой молодой друг!

– Счастья? – удивился Козимо. – А почему, смею спросить, ваше высокопреосвященство?

– Это вам лучше знать, – смеясь, возразил кардинал. – Я хороший физиономист и вижу, что у вас сегодня произошло счастливое событие. Я не могу проникнуть в тайны сердца и не хочу быть любопытным или нескромным, но советую вам крепко держать это счастье и заботливо ухаживать за цветком, который оно дает вам в руки. Ведь фортуна капризна и улыбается только смелой отваге, особенно когда она в заговоре с шаловливым сыном Афродиты.

Он еще раз поклонился, и паланкин тронулся, а Козимо побежал по лестнице, мимо других гостей, чтобы успеть проводить маркизу и ее дочь на верхний этаж дворца.

Осчастливленный теплым рукопожатием Джованны, он вернулся в кабинет, но застал Торнабуони одного, задумчиво сидящего в кресле.

– Будь готов ехать завтра во Флоренцию, Козимо, – сказал Торнабуони. – Надо отвезти важное и срочное письмо Лоренцо. Я сообщу тебе его содержание и дам еще словесные разъяснения. Письмо серьезное, и я не хотел бы доверять его чужому человеку, а ты как можно скорее привезешь мне ответ Лоренцо.

Во всякое другое время Козимо был бы польщен доверием своего осторожного дяди, но теперь он был ошеломлен и

нерешительно опустил глаза.

– Тебя пугает путешествие? – с удивлением и даже упреком спросил Торнабуони. – Оно не весело в это время года, это верно, но в твои лета трудности не должны быть для тебя препятствием.

Козимо стоял молча, но, вспомнив слова кардинала, быстро решил, смело и прямо глядя в глаза Торнабуони, высказать все:

– О, не в этом дело, дядя! Мне грустно показалось уезжать именно теперь, когда я получил надежду на счастье... Я люблю в первый и, конечно, единственный раз в моей жизни и хотел просить, дядя, твоего содействия и посредничества в моей любви.

– Кого же ты любишь? – с улыбкой спросил Торнабуони. – Насколько я знаю, ты еще недавно здесь и видел мало дам, разве что...

– Я видел только одну Джованну Маляспини, и никакой другой не будет в моем сердце! – горячо воскликнул Козимо.

– А она?

– О, я едва могу поверить моему счастью! Я только сегодня узнал, что она разделяет мою любовь. Она, правда, аристократка... Ее отец маркиз де Фосдинуово очень гордится своим именем и своим родом, но я все-таки дерзаю надеяться на счастье, если ты, дядя, согласишься поговорить за меня.

– Отчего же нет? Мы не графы и не князья, но смело мо-

жем стать в один ряд с первыми фамилиями Италии. Если гордые Орсини не задумываясь породнились с нашим двоюродным братом Медичи, но и Ручеллаи может смело просить руки маркизы Маляспини.

– И кардинал Наполеоне подкрепил мою надежду некоторыми шутками, которые я не могу не понять. У него зоркий глаз, и он, наверное, проник в тайну моего сердца, но ты понимаешь, дядя, что мне грустно уезжать из Рима именно теперь, как ни радостно я всегда исполняю мои обязанности.

– Ну, поезжай спокойно, – отвечал Торнабуони. – Джованна скажет тебе ласковое слово на прощание, а я обещаю тебе заняться твоим делом. И для этого тоже твое путешествие необходимо – поговори с Лоренцо. Мы должны смотреть на него как на главу нашего дома, и если он согласится, то ничто не будет препятствовать твоему счастью. Я думаю, что он не воспротивится твоему выбору. Он сам желал, чтобы маркиза гостила у меня в доме, а Габриэль Маляспини, отец Джованны, один из наших лучших друзей. Итак, будь готов. Я дам тебе письмо и словесные указания, которые тебе придется твердо запомнить.

– Благодарю тебя, дядя, тогда я поеду со спокойным сердцем хоть через Альпы.

Он горячо обнял Торнабуони, а придя к себе, поставил в воду розу Джованны, предварительно осыпав ее поцелуями.

Глава 2

Франческо Пацци почти бежал, сопровождаемый своими слугами с факелами. Холодный, даже резкий воздух не мог освежить его, и он тяжело, порывисто дышал.

– Жалкий мальчишка! – ворчал он, едва сдерживая свою злобу при слугах. – Молоко не обсохло на губах, а он смеет мне становиться поперек дороги! А эта Джованна, первая из всех красавиц, дочь гордого Габриэля Маляспини, отворачивается от меня и отдает этому молокососу одну из роз, которые я преподнес ей как знак моей любви. Если бы не смешно мне было соперничать с этим Козимо, как там они его зовут, я уж проколол бы его влюбленное сердце. Все, что связано с этими из грязи вылезшими Медичи, является проклятием для нас, Пацци, и всех древних родов Флоренции, которые уже сражались рыцарями, когда Медичи сидели еще в своих лавчонках. Чернь дала им могущество над нами, и этот Ручеллаи осмеливается даже красть у меня мою любовь.

Он сжал рукоятку шпаги и так бежал, что слуги едва поспевали за ним.

Перейдя мост, он у церкви Сан-Анжело повернул налево и на углу Виа де-Лонгара, около собора святого Петра, остановился у дворца графа Джироламо Риарио, построенного в виде виллы, с большим садом, спускавшимся к Тибру.

Двор и окна дворца были ярко освещены, в вестибюле тол-

пились многочисленные слуги, и Франческо тотчас же провели по мраморной лестнице в покои графа. Вся обстановка свидетельствовала о расточительной роскоши, но ей не хватало благородной простоты дома Торнабуани, хотя и тут виден был вкус и художественное понимание, что было обычным в то время в Риме. Картины знаменитых художников украшали стены, и золоченые рамы сами по себе представляли произведения искусства. Громадное количество восковых свечей горело в люстрах и канделябрах, и все комнаты были овеяны нежным запахом благовоний.

В маленькой комнате за круглым столом сидели граф и двое гостей.

Ужин был окончен, и посуда убрана, стояли только золотые корзины с великолепными фруктами и разнообразным десертом и граненые графины с изысканными винами. У всех были высокие бокалы с гербом графа.

Один из гостей был архиепископ Пизы Франческо Сальвиати, высокий, худощавый мужчина лет тридцати пяти, с бледным лицом, выразившим больше хитрости и лукавства, чем настоящего ума, с маленькими черными глазами под черными, резко очерченными бровями. Черные волосы его были расчесаны на пробор, а фиолетовая сутана, осыпанный бриллиантами крест на золотой цепочке и белые холеные руки придавали ему аристократическую внешность прелатов того времени, которые почти так же щеголяли роскошью своей одежды, как и модницы высшего света.

Рядом с ним сидел высокий мужчина атлетического сложения, в котором можно было сразу узнать солдата по ремеслу, живущего исключительно войной. Такие, как он, продавали свои услуги за высокое вознаграждение то тому, то другому, при бесчисленных распрях больших и мелких провинций, и для этого набирали людей, которые охотнее стекались к тем, у кого громче была слава кондотьера и у кого большая добыча имелась в виду.

На нем был серый шерстяной камзол, обшитый красным шелком, большая шпага держалась на крепкой кожаной перевязи. Темные курчавые волосы его были коротко острижены, загорелое лицо с острой бородкой выражало решимость и добродушие.

Граф Джироламо пошел навстречу Франческо и подвел его к приготовленному креслу.

– Как любезно, что вы сдержали свое слово, синьор Франческо. Вы пришли еще раньше, чем я ожидал, но как раз вовремя, так как мы обсуждали такое дело, где ваше мнение и совет весьма важны. Позвольте вам представить синьора Джованни Баттиста де Монтесекко, предоставившего в мое распоряжение свой победоносный меч.

Франческо поздоровался с архиепископом, которого знал давно, так как был из родственной ему флорентийской семьи, холодно-вежливо поклонился Монтесекко и изъявил графу полную готовность служить ему делом и советом, что он считает своей обязанностью относительно племянника

его святейшества.

– Хотя, – добавил он, – святой отец не очень милостиво относится к дому Пацци, так как избрал себе в казначеи Медичи, право ничем не превосходящих нас.

– Мой высокочтимый дядя сделал это, предполагая, что Медичи окажутся достойными этой чести, – сказал Джироламо, – и потому, что поверил словесным и письменным заверениям преданности, постоянно повторяемым Лоренцо. Но, к сожалению, святой отец ошибся, и Медичи не оправдали доверия.

– В чем же именно? – насторожившись, спросил Франческо.

– Можете себе представить, синьор Франческо, – воскликнул Джироламо, – этот лживый Торнабуони объявил мне, что банк Медичи не в состоянии достать тридцать тысяч золотых флоринов, которые нужны святому отцу для уплаты за Имолу. Мой щедрый дядя дарит мне это владение, а я уверен, что у самого Лоренцо лежит в кладовых больше этой суммы.

Злорадство блеснуло в глазах Франческо.

– Неужели Медичи осмелились? Но если у них не хватает собственных средств, отчего они не обратились к другим?

– Они уверяют, что обращались, – прервал Джироламо, – но ни Альтовини, ни Чита, ни другие банки не смогли помочь им.

– Неправда! – вскричал Франческо. – А если даже эти бан-

ки отказались, то только в угоду Медичи, которых считают своим провидением.

– Так вы думаете, что Медичи забыли свои обязанности, отказывая в этой услуге святому отцу и мешая другим оказать ее?

– В этом я уверен. Самое лучшее доказательство в том, что они не обращались ко мне.

– Какая же на это причина? – с любопытством вмешался архиепископ. – Ведь это оскорбление святому отцу, измена папскому престолу, казначеями которого они состоят.

– Какая причина? На это легко ответить. Разве не известно и не видно по всему, что этот Лоренцо хотел бы управлять всей Италией, как он и свой родной город подчинил невыносимому деспотизму? Лоренцо хочет даже святому отцу дать почувствовать зависимость от его воли и доказать, что папа ничего не может сделать без согласия Лоренцо. В данном случае особенно видно его недоброжелательство: он и его близкие только и стремятся завладеть Романьей или окончательно подчинить ее Флоренции, то есть дому Медичи, который хочет создать для себя, путем демократической тирании, большое тосканское герцогство. Поэтому ему нежелательно, чтобы вы, граф, прочно обосновались на границе, и он надеется помешать приобретению Имолы, не предоставив нужную для покупки сумму. Это все ясно, и мы это поняли давно. Мы, древние аристократические фамилии Флоренции, хитрой демагогией Медичи отстраненные от всяко-

го влияния, мы думаем иначе: мы были бы рады иметь на границах сильных союзников для ограждения права от черни, возвеличивающей Медичи, а тем более, если бы папский престол через преданных своих приверженцев, как вы, граф, приобрел бы там влияние, всегда и везде ограждающее право и не допускающее демократической тирании.

– Почтенный Франческо, безусловно, прав, – заметил архиепископ, – только личное честолюбие Лоренцо стремится обратить Романью в вассальскую провинцию Флоренции и устранить влияние и власть святого отца за пределы своего владычества. Ведь он осмелился же воспротивиться моему назначению в Пизу, хотя я сам родом из Флоренции, и только с трудом удалось склонить его дать согласие на занятие мною этого места.

– И то только тогда, когда я дал этому заносчивому Лоренцо письменное заверение, что святой отец, назначая вас, ваше преосвященство, не имел намерения обидеть ни Флорентийскую республику, ни дом Медичи! – горячо воскликнул Джироламо, стукнув кулаком по столу.

– Подобное заверение – унижение для папского престола, – сказал Франческо Пацци. – Против таких требований Медичи должны восстать все истинно преданные ему. Как смеет Лоренцо Медичи препятствовать занять архиепископство, дарованное святым отцом? Очень грустно, что святой отец счел нужным, по мудрости своей, молча перенести такую непокорность, так как гордости Медичи теперь не будет

предела, и всякая попытка восстановить влияние папского престола в Умбрии и Романье будет разбиваться об это честолюбие.

– Да, но как сломить честолюбие человека, поддерживаемого народом? – вскричал Джироламо. – Прежде всего, надо убедить святого отца, что он ошибся в своей доверии, что Медичи обманывают его своими заверениями преданности и оказываются злейшими врагами папского престола, а следовательно мира и согласия в Италии и ее могущества.

– Это трудно доказать, – заметил архиепископ, – так как его святейшеству нелегко поверить в такую лживость и испорченность. Если бы можно было доказать, что Медичи в деле приобретения Имолы обманули его и только отговорились неимением денег, чтобы не допустить в Романью графа Джироламо, а следовательно, и папское влияние...

– Это доказательство я могу доставить, ваше преосвященство! – заявил Франческо Пацци. – Медичи уверяли, что не могли найти эту сумму даже при содействии других банков. Так она будет, эта сумма! Через неделю я предоставлю в распоряжение его святейшества тридцать тысяч золотых флоринов, а что дом Пацци может сделать один, то, конечно, могли бы сделать и Медичи, тем более при содействии своих союзных банков.

– Вот это действительно будет доказательство! – вскричал Джироламо. – Если вы это исполните, благородный Франческо, то моя дружба и благодарность обеспечены вам на-

всегда, а его святейшеству придётся убедиться в лицемерии всех Медичи.

– Я это исполню, граф, – подтвердил Франческо, – мое слово дано, а Пацци никогда не изменяли своему слову. Можете располагать этими тридцатью тысячами золотых флоринов, наш банк выплатит их по вашему указанию. Джироламо вскочил, пожал руку Франческо и обнял его.

– Вы именно такой человек, какие нужны Италии, чтобы она могла в тесном согласии, под охраной и руководством папского престола, крепнуть и повелевать миром. Будьте свидетелями, досточтимый архиепископ и вы, храбрый Монтесекко, что я даю слово исполнить всякое желание благородного Франческо, насколько хватит моих собственных сил и моего ходатайства перед святым отцом.

– Я искренне радуюсь благородству чувств моего молодого друга и земляка, которое наследственно передается в семье Пацци, – сказал архиепископ, пока Джироламо наполнял бокалы и чокался с Франческо. – Тем печальнее, что этот знаменитый род так стеснен в своем положении, а хитрый и вероломный Лоренцо неограниченно управляет прекрасной Флоренцией, только носящей название республики.

– Что делать! – со вздохом сказал Франческо. – Чернь слепо повинуется Лоренцо, который льстит ей, как это делали и тираны в древности.

– Неужели же тут бессильны старинные, именитые фамилии, Богом и историей призванные управлять страной? –

воскликнул Джироламо. – Если бы они захотели, они могли бы свергнуть такое незаконное владычество!

– Могли бы, конечно, – заметил архиепископ, – если бы у них хватило мужества и воли.

– Это мужество существует хотя бы в роде Пацци, – горячо вскричал Франческо. – Никто из нас не отступит, к нам присоединятся многие, невольно терпящие сейчас иго выскочки! Мы не забыли, что Паццо де Пацци совершил крестовый поход в Иерусалим с Готфрицем Бульонским, а Джакомо Пацци в сражении близ Перти нес знамя Флоренции! В гербе нашем золотые рыбы служат символом христианства, а четыре креста означают, что в святом кресте вся наша сила и честь. А что такое Медичи? Откуда они взялись? Никто этого не знает, хотя лезть приписывает особую родовитость гербу на их щите, наверно не участвовавшему в крестовых походах. Они сами придают какое-то аллегорическое значение этим шести шарам, а в сущности это просто пилюли и банки, что совершенно соответствует их фамилии, завещанной им давно забытым библейским предком. Глупый народ, когда приветствует их, видя этот странный герб своих кумиров, и кричит «Палле! Палле!» – не понимает, какая злая ирония кроется в этих кликах: они действительно дают народу золоченые пилюли, которые отравляют его и убивают мужество и любовь к родине. А банками они вытягивают из народа кровь для поддержания своего величия и одуряют его зрелищами и празднествами.

– Bravo, bravo, синьор Франческо! – с ядовитым смехом воскликнул Джироламо. – Это прелестно, и в таком смысле я первый охотно буду кричать Лоренцо: «Палле! Палле!»

– Мы имеем право так думать и чувствовать, с нами многие другие, оттесненные выскочкой, в том числе и дом высокоуважаемого архиепископа Сальвиати. Но что поделаешь с чернью, которая забывает благородное прошлое и своим неистовым ревом «Палле! Палле!» заглушает всякое истинное, справедливое слово?

– Ваши слова – чистое золото, благородный Франческо, – возразил архиепископ, – но последнее заключение все-таки неверно: безумная чернь неистово приветствовала Цезаря, но не смогла помешать сильной воле и мужеству других сломить тиранию. При этом на знаменах Цезаря были победоносные орлы, а не банки и пилюли. Толпа идет за смелым и быстро забывает кумиров минуты.

– Почтенный архиепископ прав, – согласился Джироламо. – Зачем терпят тиранию этого позорного правителя, зачем древние роды подчиняются выскочкам? Решительный шаг – и Флоренция освобождена от своих навязанных правителей, и Италия перестанет быть игрушкой в руках преступного честолюбия, которое осмеливается противиться даже папской власти. В народе многие кричат, ничего не понимая, и, может быть, еще охотнее приветствовали бы другого, более достойного.

– Это верно, – заметил архиепископ и прибавил со вздо-

хом: – Но где найдутся люди, которые бы решились произнести приговор над тираном Флоренции и исполнить его, как это сделал когда-то Брут с властителем мира?

– Такие люди найдутся, – сказал Франческо, сидевший некоторое время в раздумье и быстро вскакивая. – Они есть, я сам готов возбудить их на смелое дело, если вы говорите серьезно, господа! Но план надо обдумать всесторонне и прежде всего, хранить строжайшую тайну, так как Лоренцо умеет расслышать и шепот.

Он недоверчиво посмотрел на Монтесекко, который до сих пор молча слушал разговор.

– Конечно, я говорю серьезно, – сказал Джироламо, – если соглашаюсь с почтенным архиепископом и готов всеми силами поддержать дело, угодное самому Богу! Пока длится власть Медичи, мои владения не будут в безопасности, и сама чудная Флоренция, жемчужина Италии, будет вечным камнем преткновения для всех патриотов, которые хотели бы сплотиться под руководством святого отца для процветания и могущества родины. Благородный Франческо, в присутствии этого воина, храброго Баттиста Монтесекко, вы можете говорить не стесняясь: он предан его святейшеству, а брат его – полковник стражи Ватиканского дворца; сам же он не раз уже командовал папским войском, как будет командовать теперь моим, – значит, будем говорить свободно и поклянемся друг другу хранить тайну, и такую же клятву должны дать и другие, которые будут привлечены впослед-

ствии к нашему делу.

– Вы можете на меня положиться, благородные синьоры, – сказал Монтесекко, – я еще никогда не выдавал доверенной мне тайны и не сделаю этого теперь, когда дело идет об упрощении и расширении власти святого отца. И он продолжал, держась рукой за крестообразную рукоятку шпаги:

– Клянусь никому на свете не проронить ни слова о том, что слышал здесь и еще услышу впоследствии. Но, господа, обдумайте хорошенько и помните, что вы затеваете нелегкое дело. Флоренция не такой город, как другие, народ там не такой трусливый и равнодушный, как в Риме, и если его раздражить, он будет опасен, как лев в ярости. Я бывал там не раз; у Лоренцо масса приверженцев и огромное влияние на народ и зажиточных граждан; если план не удастся, то будет хуже прежнего и Лоренцо станет неограниченным повелителем.

– Поэтому он должен удалиться, – вскричал Франческо. – Медичи должны быть низвергнуты навсегда, если мы хотим водворить во Флоренции закон и справедливость. Ведь они добились в прошлом году изменения древнего закона о наследии только потому, что Лоренцо хотел отнять у нас громадное наследство флорентийской линии рода Барromeо... Такой произвол не должен иметь места, и я могу вас заверить, что он очень тяжело отзывается на многих. Оба Медичи, Лоренцо и Джулиано, должны погибнуть; перед их трупами смолкнет пресловутое «Палле! Палле» – и совершивший-

ся факт встретит вскоре радостное сочувствие. Сальвиати и Пацци одни уже имеют достаточное влияние, чтобы при совместном усилии подействовать на половину населения, а когда Медичи падут, наши друзья вступят в свои права и враги смолкнут. Из предосторожности надо держать войско наготове у границ, чтобы оно могло немедленно, по завершении событий занять город и подавить всякое противодействие.

– Об этом позаботится храбрый капитан, – сказал Джироламо, – он может сколько угодно набрать войска на мой счет и вести его из моих владений к флорентийской границе, так что, предупрежденный о моменте свершения дела, он уже будет на месте, займет общественные здания и очистит улицы от толпы.

– Тогда все хорошо, – воскликнул Франческо. – За выполнение дела я ручаюсь и уверен во всех членах нашей семьи. Даже Гульельмо не будет противиться, хотя он женат на сестре Лоренцо. Конечно, ему не надо говорить, что это касается жизни Медичи, но мы, господа, не можем себя обманывать и должны знать, что только смерть обоих братьев избавит Флоренцию от ига тирании.

– Разве не довольно одного Лоренцо? – спросил Джироламо. – Он один всем управляет и противится папскому престолу. Его брат Джулиано веселый, жизнерадостный человек, он мало думает о власти и хлопот нам не доставит.

– Нет, граф, оба брата должны погибнуть, – с особенным ударением сказал Франческо. – Я знаю, что Джулиано ме-

нее опасен, чем Лоренцо, но если хоть один из них останется в живых, у их друзей будет надежда и центр, около которого можно группироваться, и когда чернь увидит хоть какого-нибудь Медичи, ее трудно будет обуздать. По, крайней мере, это вызовет жестокую борьбу и беспорядки в городе. Лучше пожертвовать одним человеком, хотя и менее виновным, для блага отечества, чем проливать кровь невинных и только ослепленных людей.

– По-моему, Франческо Пацци прав, – заметил архиепископ. – Я, конечно, хотел бы ограничить кровавую жертву святого и правого дела одним виновным, но, во всяком случае, для достижения цели жизнь одного человека не стоит крови тысяч людей. Когда оба брата исчезнут, народ не решится сопротивляться, и тогда легко будет немедленно после этого события восстановить прежние законы и вернуть древним фамилиям их поправные права, если войско капитана займет при этом город.

– Пусть будет так, – согласился Джироламо. – Уж конечно, не мне заступаться за Медичи, когда его приговаривают к смерти его собственные соотечественники. Итак, будьте готовы, Джованни Баггиста, и набирайте как можно больше войска в Романье, что вполне естественно объясняется приобретением мною Имолы, теперь это уже не подлежит сомнению благодаря любезности дома Пацци.

– А я, господа, как только здесь устрою дела, поеду во Флоренцию, чтобы там все подготовить, – сказал Франче-

ско. – Я считаю очень важным, чтобы почтенный архиепископ тоже приехал туда поддержать своим влиянием колеблющихся. Ведь всем очень понятно, что его преосвященство, которому Лоренцо, наконец, милостиво разрешил занять назначенное ему место, посетит свой родной город. Он лучше всех сумеет выработать план и решить, что должно произойти после окончательного события. Придется также арестовать известных приверженцев Медичи – Содерини и Ручеллаи и изгнать их на первое время, чтобы оградить новый, или, вернее, древний, восстановленный строй от всякого сопротивления.

– И с этим я согласен, – сказал архиепископ. – Я скоро еду во Флоренцию и так отвечу на лицемерные речи, которые Лоренцо, наверное, подготовил для меня, что он вполне поверит искреннему примирению.

– Что касается меня, – сказал Монтесекко, все время задумчиво поглаживающий бороду, – то я готов служить вашему сиятельству. По данному приказанию я займу Флоренцию, а когда город будет в моих руках, сам черт меня оттуда не вытеснит, и с чернью я тоже справлюсь. Но в убийстве обоих братьев Медичи я участвовать не могу и очень рад, что это не предполагалось по намеченному плану. Я солдат и исполню свой долг относительно того, кому служу моим оружием; я охотно буду усмирять восстание и мятежную толпу для поддержания прав древних рыцарских фамилий, которые близки мне по душе и по происхождению, но я никогда

не обнажу оружия для убийства беззащитного человека.

– А если этот человек приговорен к смерти лучшими из своих сограждан? – спросил Джироламо, сдвигая брови.

– Тоже нет! – вскричал капитан. – Ищите палача, где вам угодно, а Джованни де Монтесекко им не будет.

– Капитан прав, – поспешил заявить архиепископ, пока Джироламо в гневе еще не успел выговорить резкое слово, – удалить обоих братьев – это дело самих флорентийцев.

– И вы позаботитесь об этом, – сказал Франческо. – вполне достаточно, если Монтесекко удержит народ от бурного вмешательства в порядок правления.

– Еще вот что, господа, – заметил Монтесекко, – теперь, когда я знаю, к чему клонится все дело, я не могу действовать даже по приказанию графа Риарио, если это не будет одобрено его святейшеством. Без такого одобрения я не могу, и не буду участвовать в этом деле, даже если бы граф лишил меня за это сопротивление командования его войском.

– Этого не будет, храбрый капитан, – заявил архиепископ. – Вы совершенно правы, не желая ничего предпринимать, что могло бы быть неприятно нашему святому отцу, которому мы все обязаны повиноваться. Вы можете не тревожиться, так как святой отец сильно гневается на Лоренцо, который не повинуется ему и ведет заговоры с врагами папского престола. Его святейшество искренне обрадуется, когда Медичи будут свергнуты, и высоко зачтет ваши услуги в этом деле.

– Это верно? – спросил Монтесекко. – Святой отец это говорил?

– Конечно! – воскликнул архиепископ. – Он не раз жаловался на Лоренцо и с трудом поборол свой гнев, когда тот осмелился не допустить меня в мое архиепископство в Пизе.

– А не будет ли святой отец так милостив сам сообщить мне лично свою волю занять Флоренцию, с которой его святейшество в мирных отношениях? Простите меня, но речь идет о самых святых обязанностях, которые я признаю на земле, и мне совесть не позволит принять участие в таком важном и ответственном событии без личного приказанья святого отца.

– Его святейшество в мирных отношениях с Флоренцией, это совершенно верно, но против города и не предпринимается ничего, – возразил архиепископ. – Ваше войско должно, наоборот, охранять права достойных представителей республики и при необходимости укротить мятежную толпу. Джироламо нетерпеливо потирал руки.

– Вы требуете согласия и личного приказанья его святейшества? – прервал он архиепископа. – Хорошо, вы его получите. Приготовьтесь явиться перед святым отцом, он развеет ваши сомнения.

– У меня нет сомнений, граф, они не пристали солдату, который должен повиноваться, а не рассуждать. Но приказание должно исходить от того, кому на это дано право Богом, чтобы солдат со спокойной совестью и мужеством исполнял

свой долг.

– Так и будет, – сказал Джироламо, прикрывая приветливостью свое недовольство сомнениями Монтесекко, – ваше желание исполнится в скором времени, а вы, благородный Франческо Пацци, тоже будьте готовы предстать перед его святейшеством. Я уверен, что папа, всегда справедливый и признательный, должным образом оценит вашу услугу, в которой ему отказали под надуманным предлогом его казначеи Медичи.

Гордость засветилась в торжествующем взгляде Франческо, и он низко поклонился.

– Итак, мы связаны благородным, патриотическим делом, в котором каждый из нас должен делать все возможное для его выполнения и оберегать тайну от врагов. Выпьем за успех!

Он наполнил бокалы, и все осушили их до дна. После этого, архиепископ удалился в свои комнаты во дворце графа.

Франческо тоже отправился со своими слугами. А Монтесекко пошел один в остерию, где остановился.

«Ей Богу, – думал он, глядя в темное небо, – мне в тысячу раз приятнее было бы идти против французов или даже против самого черта, чем нападать на неукрепленный город, такой, как эта чудная Флоренция, и сажать одних на место других, когда я вполне равнодушен и к тем, и к другим. Но если это, как говорит граф, приказание его святейшества, то моя обязанность, как итальянца, дворянина и христиани-

на, повиноваться и исполнять мой долг, а что из этого выйдет – мне безразлично и не мое дело. Все, что мы, солдаты, делаем для добывания нашим оружием всесильного золота, за все отвечают нанимающие нас господа, а если сам святой отец берет на себя ответственность, то мне остается только со спокойной совестью радоваться счастью, выпавшему на мою долю».

Он прошел Пьяцца дель-Пополо и повернул к Монте Пинчио, где под тенью высоких деревьев находилась остерия. В одной половине довольно большого здания располагался ресторан, посещаемый молодыми учениками известных художников и ватиканскими телохранителями, а в другой – комнаты для приезжающих среднего сословия.

Монтесекко миновал коридор, освещенный лампой, и отворил дверь в простую, но уютно обставленную комнату, к которой примыкала еще одна.

Здесь тоже горела спускавшаяся с потолка лампа, которая освещала своеобразную живописную картину.

На низком турецком диване лежал человек, которого можно было принять за юношу. Но, несмотря на высокие, до колен, сапоги и пояс с кинжалом, руки и плечи, видневшиеся под плащом, опушенным мехом, выдавали женские формы, и нетрудно было угадать, что под мужской одеждой скрывается молодая красивая женщина. Ее густые вьющиеся волосы были острижены и причесаны по-мужски; изящное загорелое лицо с темными глазами имело в эту минуту мягкое,

грустное выражение, не свойственное юношам.

В комнате было разбросано платье и оружие. На столе, под лампою, лежали фрукты, сыр, хлеб и стояли пузатая бутылка с длинным горлышком и блестящий металлический стакан.

Монтесекко остановился на пороге, и его мрачное лицо прояснилось при виде столь милого зрелища.

Молодая женщина при звуке шагов очнулась от забытья, вскочила и с радостным криком подбежала к нему, обняла, воскликнув:

– Как долго ты пропадал, Баттиста! Мне жутко, я чувствую себя одинокой и брошенной, когда тебя нет!

Монтесекко нежно поцеловал ее и погладил ее локоны.

– Какие глупости, Клодина! Что может случиться с тобой здесь, в доме? Ты не раз оставалась одна в поле, когда я водил свой отряд в опасные места.

– О, это не страх, Баттиста, – вскричала она со сверкающими глазами, – я страха не знаю и даже просила всюду брать меня с собою, но мне так грустно, так одиноко без тебя! Ты единственный, кто у меня есть на свете, без тебя я так беспомощна в моем ложном виде и положении, так боюсь людских взглядов... одна, с моими мыслями, с моей совестью...

– С твоей совестью, Клодина? – повторил Монтесекко, нежно обнимая ее. – К чему это? Ведь мы поклялись в верности друг другу перед алтарем, и если этого никто не слышал, то это знает Бог, и перед ним ты моя жена. Ты знаешь

также, что я никогда не оставлю тебя, и через несколько лет, когда я заработаю оружием то, что нам нужно для скромного безбедного существования, ты будешь моей женой и перед людьми и превратишь своего дикого Монтесекко в мирного поселянина.

– О, не в этом дело, Баттиста! Я верю тебе. И если я твоя жена перед Богом, то мне все равно, что думают люди. Но мысль, что я бросила родителей и последовала за тобой, что, может быть, их проклятие тяготеет надо мною и призовет на тебя гнев Божий... Эта мысль преследует меня, когда я одна, и пропадает только тогда, когда ты со мной.

– Твои родители бесповоротно отказались благословить нашу любовь, – мрачно ответил Монтесекко. – Бог внушил нам эту любовь, разве они имели право ей противиться? Я честно обещал им любить тебя и устроить твою жизнь. Я ношу честное имя, я истинный христианин, хотя и солдат по призванию и ремеслу. Мне тяжело, что тебе пришлось бросить родителей из-за меня, но тем я выше тебя ставлю и тем священнее для меня наша клятва верности. Будет же услышана моя молитва, и твои родители нам дадут благословение, а если они даже призвали на нас проклятие, то, поверь, оно не дойдет до Бога милосердия и любви! Пока покоримся нашей участи, которую мы изменить не можем, будем бодро смотреть в будущее и еще сильнее любить друг друга.

– О Баттиста, когда я слышу твой голос и смотрю тебе в глаза, тогда я забываю все, что мне, пожалуй, и не следовало

бы забывать. Так, верно, и должно быть, я так люблю тебя. Но иногда меня гнетет неудержимое желание увидеть отца и мать, сестру Фиоретту, которая так любила меня. Я не знаю, живы ли родители, а если они умерли в эти годы, не простив меня...

– Будь спокойна, моя дорогая, – перебил Монтесекко, целуя ее влажные глаза, – я надеюсь скоро принести тебе хорошее известие, а может быть, представится и возможность примирения. Граф Джироламо Риарио, племянник папы, поручил мне командование войском, которое он собирает в Имоле, и скоро мы туда отправимся. Мы будем недалеко от твоей родины, я справлюсь о твоих родителях и обещаю тебе все сделать для примирения. И граф Риарио, пользующийся милостью папы, не откажет мне в своем посредничестве, которое, может быть, поможет смягчить твоего отца.

Клодина радостно улыбнулась, хотя слезы еще блестели на ее глазах.

– Какой ты добрый, Баттиста! Я буду надеяться, верить в тебя и милость Божью. Я забуду свои тревоги и снова буду твоим веселым Беппо. Я буду только молиться, чтобы скорее настало время, когда ты бросишь оружие, и мы мирно доживем до старости и будем с радостью вспоминать былые заботы и волнения.

Клодина совсем преобразилась, грустное выражение лица исчезло, глаза заблестели, и она действительно походила на мальчика, бодро и смело смотрящего на жизнь.

Она налила вина, пригубила и подала стакан Монтесекко, который осушил его до дна. Потом она взяла изящную неаполитанскую мандолину и запела веселую солдатскую песенку, а Монтесекко, лежа на диване, слушал ее свежий молодой голос и, отбивая такт, подпевал ей.

Глава 3

С утра следующего дня в конюшнях дворца Медичи шли приготовления к отъезду Козимо во Флоренцию. Сильные, здоровые лошади предназначались для поклажи, конюхи кормили лошадей для верховой езды и чистили оружие. Козимо уезжал спешно и без особенного блеска, его свита состояла из пяти слуг. Несколько запасных лошадей были взяты на случай каких-либо неожиданностей.

Козимо позвали к Торнабуони, который рано прошел в кабинет и написал длинное письмо Лоренцо.

– Ну, слушай хорошенько, – сказал он, когда молодой человек, почтительно поклонившись, сел к столу, – и запомни каждое слово, чтобы передать его Лоренцо. Ты скажешь ему, что папа сильно озлоблен против него по многим причинам, которые он знает сам, и что враги наши, сильные и многочисленные, всячески стараются довести до полного разрыва папский престол с ним. По моему мнению – и Аччауоли вполне согласен со мной, – эта вражда представляет большую опасность и даже несчастье для всех нас. Папа имеет огромную власть, и если дойдет до полного разрыва, с ним будет нелегко помириться. Неаполь на стороне папы, а также многие соседние провинции, которые неохотно подчиняются нам. Они воспользуются случаем, чтобы восстать. Венеция завидует нам, а на Сфорца тоже положиться нельзя,

единственный наш союзник – король Франции, но лицемерному Людовику XI верить нельзя, и если бы он и был верен своему слову, то мне не хотелось бы обращаться к чужой помощи, расплачиваться за которую придется нашей Италии. Я не хотел бы, чтобы такой укор тяготел над нами и над именем Лоренцо. Граф Джироламо был нашим другом, по крайней мере, казался таким, и старался поддерживать дальнейшие хорошие отношения. Если же мы откажемся помочь ему и лишим его возможности совершить желаемое приобретение, то он перейдет в стан наших врагов, и будет усиливать озлобление папы до крайних пределов. Я не хотел бы доводить до этого из-за суммы денег, не имеющей особого значения. Я признаю, что поселение графа Джироламо в Романье и у границ Флоренции представляет для нас некоторую опасность, но она не столь велика и будет существовать до тех пор, пока жив папа Сикст. После смерти папы его племянник Джироламо не будет иметь никакого значения, и мы легко сломим его могущество, может быть, даже вероятно, при помощи преемника папского престола. Поэтому я желаю, и даже настойчиво требую, то есть советую Лоренцо, поручить мне немедленно, выплатить требуемые тридцать тысяч флоринов золотом. Папа примет это как большую услугу, а граф Риарио, по крайней мере, в первое время, не перейдет на сторону наших врагов. Затем я прошу Лоренцо дружески и почетно принять Франческо Сальвиати, который скоро поедет в Пизу, и сгладить любезностью натянутые отношения

со святым отцом. Папа усмотрит в этом стремление к примирению и высоко оценит его, а мы, таким образом, двух своих злейших врагов превратим в друзей, хотя, может быть, и лицемерных. Ты понял все, что я тебе сказал?

– Разумеется, и не забуду это, – отвечал Козимо. Он повторил слово в слово все, сказанное дядей, и тот остался доволен.

– Я вижу, ты станешь дельным человеком, так как умеешь серьезно относиться к делу, хотя сердце твое, конечно, занято совсем другим. Первое и величайшее правило во всех политических и коммерческих делах, на которых основано положение Медичи и всех нас, это чтобы ничто не отвлекало ум и сердце от серьезных задач нашей жизни. Даже любовь может быть только вьющимся растением около сильной, твердой воли. Пойди и простись с маркизой и прелестной Джованной. Мы соберемся еще раз все к завтраку, а потом ты сразу отправишься, чтобы к ночи доехать до Витербо и как можно скорее привести к желаемому результату это неприятное дело.

Козимо взбежал по лестнице и тотчас же был принят дамами. Маркиза сидела с рукоделием у пылающего камина, Джованна подбирала мелодию на великолепной, резной и богато золоченой арфе. Она была в белом платье, ее чудные золотистые волосы были небрежно завязаны греческим узлом.

При входе Козимо она покраснела и подняла на него сияющие счастьем глаза, но тотчас же опустила их. Трудно было

представить себе более очаровательную картину, и Козимо нелегко было подойти к маркизе и почтительно сообщить ей, что он пришел проститься, уезжая во Флоренцию по поручению дяди.

– Вы уезжаете, – грустно произнесла Джованна, – так скоро... сегодня же...

– Я должен ехать по неотложному делу... я скоро вернусь.

– Скоро вернетесь? – вздохнула Джованна. – О, Флоренция так далеко... Мы ехали сюда больше недели.

Она опустила на стул за арфой, на глазах ее показались слезы.

Козимо не выдержал и подбежал к ней.

– О, мне самому больно уезжать, я постараюсь вернуться как можно скорее... Ведь я оставляю здесь все счастье моей жизни...

Джованна подняла на него взор, юноша уже хотел обнять ее, но опомнился, подошел к маркизе и сказал взволнованным голосом:

– Простите, маркиза, я думал скрыть тайну моего сердца, но в минуту разлуки она неудержимо просится наружу. Я увидел слезы в глазах Джованны и не могу молчать. Вам первой, маркиза, должен я признаться, что люблю вашу дочь и прошу вас принять под защиту эту любовь.

Он подбежал к Джованне, преклонил колени и нежно и почтительно поцеловал ей руку.

– Видите, маркиза, она принимает мою любовь, а если вы

согласитесь поговорить с вашим супругом, то наше счастье будет обеспечено на всю жизнь. Маркиза с улыбкой смотрела на них.

– Ах, дети, дети, вы нерассудительны и нетерпеливы, как молодость вообще... Где любовь, там нет рассудка. Так как вы не скрываетесь от меня, то я не могу отказать вам в содействии. Я поговорю с Джованни Торнабуони.

– Он знает о моей любви и не отнял у меня надежду.

– Тогда и я не хочу ее у вас отнимать. Я ничего не обещаю, но можете надеяться. Ведь моя старшая дочь, донна Аргентина, вышла за Пьетро Содерини, вашего родственника. Если Лоренцо согласится, то мой муж, я думаю, не будет противиться вашей любви... Я буду молить Бога, чтобы Он благословил ваши надежды.

– Благодарю вас, маркиза, Бог услышит ваши молитвы. Мой дядя Лоренцо искренне расположен ко мне, и он верный друг дома Содерини и вашего. Не правда ли, Джованна, теперь вы с легким сердцем отпустите меня? Ведь я еду к Лоренцо, а он поговорит с вашим отцом.

Джованна с улыбкой протянула ему руку, и они все вместе пошли завтракать в покои Торнабуони.

Донна Маддалека тоже заметила склонность молодых людей, так как особенно сочувственно и ласково смотрела на них... За завтраком говорили о самых обыденных предметах, но никто не удивлялся, что Козимо и Джованна смотрели только друг на друга.

Когда Козимо проезжал мимо окон, Джованна поклонилась ему, и слезы показались на ее глазах, но она не дала им воли, стараясь думать о скором и радостном его возвращении.

Вернувшись в кабинет, Торнабуони нашел там письмо кардинала Барронео, секретаря папских грамот, сообщавшее кратко и определенно, что его святейшество решил лишить дом Медичи звания казначея папского престола. Поэтому кардинал предлагает представителю банка Медичи закончить все дела и представить счета.

Торнабуони мрачно перечитал письмо второй раз.

– Расплата за отказ по делу графа Джироламо, – проговорил он. – Я не думал, что она последует так скоро. Это показывает, как силен гнев папы, иначе бы он не решился на такую крайнюю и оскорбительную меру. А может, это только угроза и она не будет приведена в исполнение, если мы удовлетворим желание папы. Во всяком случае, надо немедленно уведомить Лоренцо и указать ему на серьезность положения.

Он написал короткую записку и запечатал ее, вложив туда же письмо кардинала, потом призвал доверенного слугу, велел догнать Козимо и передать все это ему.

Вечером, по обыкновению, собрались друзья и знакомые, почти то же общество, что и накануне. Внезапный отъезд Козимо во Флоренцию не возбудил удивления, так как при многочисленных операциях банка это случалось нередко. Но

Торнабуони неприятно поразило, когда кардинал Наполеоне Орсини выразил ему сожаление, что Медичи лишились звания папского казначея. Если об этом открыто говорили в Ватикане, то это уже не представлялось простой угрозой. Или же папа хотел унижить Медичи, заставляя их просить его, чтобы им оставили это звание.

– А его святейшество назначил другого казначея? – спросил он кардинала.

– Об этом я ничего не слышал. Помешайте этому, не противьтесь желаниям святого отца. Иначе это будет иметь куда худшие последствия для вас, чем для него.

Аччауоли тоже знал о смещении Медичи, но он отнесся к этому иначе, чем Торнабуони, так как, несмотря на дипломатическую ловкость, его гордая, пылкая натура с трудом переносила зависимость от Рима.

– Я надеюсь, что Лоренцо именно теперь будет стоять на своем. Банк Медичи может существовать и без этого почетного, часто стеснительного звания, а папе нелегко заменить вас. Нам же следует показать, что мы для папского престола друзья, но не вассалы.

Франческо Пацци тоже явился. Он слышал об отъезде Козимо, и его страсть и гордость не хотели отказаться от надежд по отношению к прекрасной Джованне. Неужели ему, более зрелому и очень высоко стоящему человеку, не удастся отбить ее у ненавистного соперника, даже если она любила его, чего Франческо не мог никак признать. Все, что он

заметил вчера, было чистой случайностью или простым ухаживанием. Сегодня место около Джованны было свободно, и он, как Козимо, шепотом заговорил с ней:

– Мне следовало бы на вас сердиться, синьорина, если бы я вообще был способен испытывать такое чувство к вам.

– Сердиться? – переспросила Джованна, пробуждаясь от своих мыслей. – А? За что же? Не знаю, чем я могла обидеть вас, синьор Франческо.

– Разве не обида, что вы дали при мне цветок, который я вам принес, другому? Вы знаете его меньше, чем меня, и я даже не допускаю сравнения между нами.

Джованна испугалась его страстного взгляда и угрожающего тона, но ответила с улыбкой:

– Вы придаете мелочи и случайности слишком большое значение, синьор Франческо. Цветы должны доставлять удовольствие всем. Отчего мне не порадовать нашего общего друга?

– Потому что эти розы предназначались только вам и должны были доказать вам мою преданность и поклонение. На Востоке существует язык цветов, передающий сокровенные тайны сердца. Такой цветок предназначается только одному человеку, как искреннее, сердечное слово, которое нельзя бросать на ветер.

– Тогда вы напрасно дали мне цветы, – поспешно ответила Джованна, – я не знаю их тайн и поэтому не умею их хранить.

– Я надеялся, синьорина, что моя тайна не новость для

вас, вы могли давно прочитать ее в моих глазах. Если вы не поняли ее или не хотели понять, то я должен вам сказать, что...

– Остановитесь, синьор Франческо! – воскликнула Джованна. – Не говорите мне ничего, чего я не могу или не должна понимать. Если я не поняла языка цветов, то не пойму и ваших слов, и мне будет неприятно, что ваша тайна не найдет у меня оценки и понимания.

– Отчего же? – бледнея, спросил Франческо. – Для моей тайны сердце благородной девушки – прекрасный приют, как сад для цветка.

Теперь она серьезно и грустно посмотрела на него.

– Человеческое сердце – не большой сад, синьор Франческо, оно может беречь и лелеять только один цветок.

– О, я вижу, маркиза, что вы умеете отлично разгадывать тайны, но я вам могу сказать, что и в лучшем саду бывают сорные травы ослепления и самообмана. Если заботливый садовник вырвет их, давая место для благородных растений, разве вы не будете благодарны ему?

Ее мягкие, грустные глаза вдруг гневно сверкнули.

– Вы напрасно думаете, что я умею разгадывать тайны, и я ваших слов не понимаю. А если ваши слова относятся ко мне, то я скажу вам, что в моем сердце не может вырасти сорная трава, а растущего уже там цветка никогда не коснется рука непрошеного садовника.

Пение окончилось.

Джованна быстро встала во время общих аплодисментов и подошла к кардиналу Орсини.

– Прелестная Джованна, вы, кажется, на горе нашим музыкантам, не любите музыки.

– Почему вы так думаете?

– Вчера во время пения вы тихо, но оживленно разговаривали, а сегодня то же самое... хотя не совсем – вчера разговор гармонировал с чудной музыкой, а сегодня мне показалось, что в нем слышится слишком резкая и фальшивая нота.

Джованна покраснела.

– Фальшивая нота? Я знаю только одно, что существует гармония, сглаживающая все фальшивые ноты.

– А я знаю, что всю гармонию соединяет в себе умная и красивая девушка, такая, как вы, в которой сочетается крохотность голубки и мудрость змеи.

Франческо остался на месте и мрачно смотрел на девушку, в значении слов которой не сомневался.

Потом он встал, присоединился к остальному обществу и был так весел, каким его не привыкли видеть. За ужином он не занял место около Джованны, заговорившись с молодым художником и ожидая, пока все гости разместились.

Джованна была весела и спокойна. Только иногда она краснела, встречая взгляд Франческо, но не опускала глаза, и только на губах ее появлялась холодная, гордая усмешка.

Глава 4

Кабинет папы Сикста IV, примыкавший к старинной библиотеке Ватиканского дворца, был совсем скромным в сравнении с роскошью дворца архиепископа христианства и напоминал своей обстановкой келью ученого монаха францисканского ордена Франческо д'Альбесколо Делла Ровере, вступившего на папский престол под именем мученика Сикста.

На больших столах были разложены рукописи. На стенах рядом со старинными картинами висели карты малых провинций и княжеств Италии. У большого окна на возвышении стояло кресло, на которое папа садился для частных аудиенций, а рядом на мольберте стоял почти законченный портрет папы, благословляющего коленопреклоненного прелата.

Сиксту было шестьдесят четыре года; он был худ, сгорблен, с бледным угловатым лицом и производил впечатление дряхлого старика. Короткие седые волосы, венчиком окружающие плешь, и короткая курчавая седая бородка делали его похожим на простого францисканского монаха. Но в его темных глазах, глубоко запавших в орбиты, светился такой острый, пронизательный ум и такая сила воли, такое мужество, а выражение его рта так менялось, переходя от мягкой, ласковой улыбки до грозного неумолимого гнева, что он молодел на десять лет, когда, гордо выпрямляясь, с высоты

своего недостижимого величия обращал слова милости или осуждения к трепетно слушавшей толпе.

Сикст находился один в кабинете и стоял с серьезным, даже грозным лицом перед картой Италии, на которой все провинции были обозначены пестрыми красками, а отдельные города крупными красными точками.

«Как грустно и постыдно, – думал он, – что Италия, превосходящая все народы умом и образованием, бывшая когда-то владычицей мира, из-за злополучного расчленения тратит лучшие свои силы на междоусобную борьбу. Положим, мировое владычество восстановлено папским престолом, но во Франции, в Испании, в Германии, везде встречается сопротивление, а как мне побороть его, когда я встречаю здесь, в собственном государстве, явный или скрытый отпор? Теперь уже одним только словом управлять нельзя, вся водруженная сила Италии должна поддержать папский престол, призывая императоров и королей к их обязанностям. Я принужден кланяться и просить, чтобы сохранить иногда только кажущуюся верховную власть, и всегда и во всем мне оказывает сопротивление эта надменная и непокорная Флоренция, которая расширяет свое могущество деньгами и оружием и все более перетягивает на свою сторону Венецию и Милан для противодействия мне. Так продолжаться не может, надо сломить упорство и независимость этой республики. Я окружу ее своими приверженцами и разгромлю, когда настанет удобная минута. Неаполь и

Милан менее опасны – король Ферранте непрочно чувствует себя на престоле и боится Анжу, которых король Франции Людовик держит в руках, чтобы ими грозить и запугивать, и он нуждается во мне, а миланцы всегда готовы быть на моей стороне, имея виды на Ломбардию. Я их согну, этих упрямых флорентийцев, как только удастся сломить власть заносчивых Медичи, которые всегда поддерживают сопротивление мне и своей холодной рассудительностью и деньгами вечно возбуждают моих врагов. О, как я ненавижу этого лицемерного Лоренцо! На словах он полон преданности и почтения, а на деле всегда поддерживает сопротивление моей воле! Неужели я, призванный повелевать, всем христианским миром, должен уступать этому человеку? Осмелился же он устранить архиепископа, назначенного мною в Пизу, и я должен считаться с ним, пока он управляет Флоренцией. Нет... Нет! Мои предшественники сломали германских королей, и я не уступлю выскочке, который восстанавливает всю Италию против ее истинного, единственного повелителя. И его черед придет... Трудно ждать, а все-таки надо, чтобы подготовить и направить удар».

Он выпрямился, протянул руку, точно хотел произнести проклятие, и глаза его метали молнии. Он походил не на верховного пастыря любви и милосердия, дающего мир и утешение страждущему человечеству, а на полководца воюющей церкви, готовящейся подчинить своему владычеству все народы мира.

Слуга вошел и доложил, преклонив колено, о приходе графа Джироламо Риарио.

Поднятая рука папы опустилась, лицо приняло обычное спокойное, приветливое выражение, и он велел принять посетителя. Граф Джироламо опустился на колени перед дядей, тот благословил его и подал руку для поцелуя. Глаза папы засветились мягким, сердечным блеском, и все лицо преобразилось.

– Встань, я всегда рад тебя видеть, я уверен в твоей искренней преданности, которая так редко встречается. Тяжело и грустно управлять людьми путем страха, когда так хотелось бы давать и получать любовь! Чего же удивляться, если я приближаю к себе моих родных по крови, когда я уверен в их любви и благодарности?

– Со мной, ваше святейшество, можете быть в этом твёрдо уверены, – отвечал Джироламо, вставая, и еще раз поцеловал руку папы. – Я только желаю и стараюсь заменить моему милостивому дяде утрату моего брата, которого смерть унесла во цвете лет, и все мои мысли и устремления принадлежат великой задаче вашего святейшества – восстановить и упрочить владычество папского престола в Италии и во всем христианском мире назло явным и тайным врагам.

– Это я знаю, – сказал папа, ласково похлопав племянника по плечу. – Выполнить эту задачу или приблизить ее исполнение составляет цель моей жизни и святую обязанность высокого положения, дарованного мне Божьей милостью. Но

ты прав: святому делу противятся многочисленные тайные и явные враги.

– В этом я снова убедился, святой отец, – сказал Джироламо. – Поэтому тайные враги должны быть уничтожены в первую очередь, и прежде всех – Лоренцо де Медичи, который скрывает свое предательство под маской лицемерия.

– Лоренцо де Медичи? – переспросил Сикст. – А что такое? Ведь он покорился и допустил назначенного мною архиепископа, правда, показав мне предварительно, что он может и противиться моей воле! – добавил он с горьким смехом. – Но все это изменится, когда строптивая республика будет окружена, когда Имола...

– Имола! – прервал его Джироламо. – Это отлично понимает хитрый Лоренцо, не принимающий княжеского титула, чтобы управлять деспотически, поэтому он отказывается выдавать необходимую для покупки сумму, как ему приказывали ваше святейшество.

– Отказывается? – переспросил папа, покраснев от гнева. – Он осмелился ослушаться моего приказания?

– Лицемерный, как всегда; он уверяет, что не может достать эту сумму.

– Он лжет, одного слова его достаточно, чтобы найти куда большие суммы! Это открытое сопротивление, измена церкви и мне, удар из-за угла, разрушающий весь мой план... Мне уже кажется, будто Сфорца раскаивается в продаже Имолы, а если уплата не состоится, то они могут к этому

придаться, чтобы нарушить договор...

– Уплата состоится, святой отец, – сказал Джироламо, – и мой флаг скоро будет развеваться на шпилье Имолы в честь и к услугам вашего святейшества.

– Каким образом? – недоверчиво спросил Сикст. – Где я достану деньги, если мой казначей отказывает мне в кредите?

– Банк Пацци взял на себя уплату... Я покончил это дело вчера с Франческо де Пацци.

– Пацци? Они так богаты... и решились идти против Медичи?

– Из преданности вашему святейшеству и в надежде на защиту и поддержку высшего правителя Италии.

– Значит, есть еще преданные слуги церкви и ее пастыря, а я оказывал предпочтение хитрым врагам. Это новое сопротивление Лоренцо должно быть наказано, а заслуга Пацци вознаграждена. Медичи лишатся звания казначея, и я передаю его Пацци. Приведи ко мне Франческо.

– Он в приемной, ждет приказаний вашего святейшества, – поторопился объявить Джироламо. – Я знал, что справедливость моего милостивого дяди и покровителя не оставит без награды важную услугу. Но этого недостаточно, святой отец... Коварные враги не достойны вашего долготерпения... Их надо уничтожить навсегда!

– Уничтожить, сын мой? – вздохнул Сикст. – Это скоро и легко не дается, Флорентийская республика слишком силь-

на...

– Не республика, святой отец, – она покорится, – а уничтожить надо тех, которые пользуются могуществом республики, чтобы противиться вашему святейшеству. Люди, желающие и могущие выполнить это дело, просят только приказания и благословения святого отца.

– А кто эти люди? Где они? – с разгоревшимися глазами спросил папа.

– Франческо де Пацци, архиепископ Пизы и начальник моего войска Джованни Баттиста де Монтесекко, хорошо известный вашему святейшеству. Пацци и Сальвиати имеют много приверженцев во Флоренции и стремятся освободить свою родину от деспотизма выскочки, а Монтесекко с моим войском сдержит чернь, преданную Медичи.

Папа опустил голову и долго стоял в раздумье.

– А ведь это дело может удалиться, если его повести умно и решительно. Позови этих людей, так неожиданно предложивших мне помощь в борьбе с врагами.

Он сел в кресло, а Джироламо привел ожидавших, которые опустились на колени и поцеловали крест на белой шелковой туфле папы. Он наклонился для братского поцелуя к архиепископу и с приветливым достоинством сказал Франческо Пацци:

– Я с удовольствием узнал, сын мой, какое доказательство преданности ты хочешь мне дать. Такой поступок заслуживает благодарности и награды. Я передаю тебе и твоему до-

му звание казначея папского престола и лишаю этой чести тех, кто оказался недостойным моего доверия. Ты незамедлительно получишь это назначение.

– Благодарность моего дома будет безгранична, – отвечал Франческо с радостным и торжествующим видом, – и мы всегда будем стремиться быть достойными этой высокой милости. Мы никогда не допустили бы, чтобы наш родной город доставил вашей милости так много горя несправедливым сопротивлением, как это, к сожалению, случилось.

– Мое отеческое сердце страдало от поведения Флорентийской республики при назначении архиепископа в Пизу, но я знаю, что в этом виноват один человек, забравший себе неограниченную власть во Флоренции, и я жалею, что среди ваших сограждан не находится ни одного, который решился бы положить конец такой вопиющей несправедливости.

– Такой человек нашелся, святой отец, – сказал архиепископ. – Он перед вами, а его родные и друзья, равно как и мои, помогут ему.

– И я тоже, – вскричал Джироламо, – как верный друг и сосед республики, с которой хочу жить в мире и согласии, что невозможно, пока Медичи держат в оковах ваш город.

Папа одобрительно кивнул головой.

– Это будет дело, угодное Богу, мое согласие и благословение вам обеспечено, но как вы выполните его?

Он сделал им знак, все поднялись, и архиепископ изложил условленный план.

– Согласен с вашим планом, – заметил папа. – Если все верные и благородные граждане города будут действовать сообща, он может удался, и незаконная власть будет свергнута. Только я требую одного: чтобы не было пролито крови. Правое дело не должно быть запятнано преступлением.

Франческо с архиепископом молча поклонились, а Монтесекко сказал:

– Трудно будет, святой отец, произвести полный переворот, не подвергая опасности жизнь Медичи, а, пожалуй, и некоторых их друзей.

– Этого не должно быть, – строго сказал папа, – мой священный сан воспрещает мне вызывать или хотя бы допустить смерть человека. Лоренцо дурно и незаконно поступал против меня и против церкви, за это он будет лишен своего положения и предан суду, но его смерти я не хочу.

– Воля вашего святейшества для нас закон, – сказал Джироламо. – Будет сделано все возможное, чтобы ее исполнить, но без борьбы Медичи не сдадутся, и если кто-нибудь погибнет при этом, то ваше святейшество простит тому, кто вынужден был защищаться.

Папа поднялся с кресла, глаза его сверкали, он грозно протянул руку и крикнул громким голосом, раздавшимся на всю комнату:

– В груди твоей кипит злоба дикого хищника, а я судья без злобы, и справедливость не исключает долготерпения. Не осмеливайся переступить мою волю, чтобы не навлечь на

себя мой гнев!

Джироламо, дрожа, склонил голову, а архиепископ поспешил сказать:

– Ваше святейшество правы, справедливость не исключает долготерпения, Лоренцо де Медичи не должен избежать справедливого суда за свое преступление, так как он один виновен в противодействии Флорентийской республики святому престолу. Как только он перестанет там властвовать, республика подчинится главе христианского мира, и вся Италия от Альп до берегов Сицилии будет повиноваться воле святого отца.

– Ты говоришь верно, брат мой, – сказал папа, опять садясь в кресло, – поэтому такое преступление не должно миновать суда.

– Святой отец, предоставьте нам выполнить это дело, – смиренно заметил архиепископ, – и будьте уверены, что мы приведем его к желанному результату.

– Да будет так, – согласился папа, – но не забывайте о чести папского престола. Также и ты, Джироламо, и все твои друзья – я не хочу, чтобы на вас осталось пятно.

Все преклонили колени под благословением папы, потом Франческо Пацци, архиепископ и Монтесекко удалились, а Джироламо остался по его приказанию.

– Ну, – ласково сказал Сикст, – ты знаешь мою волю. Я верю, что ты будешь повиноваться ей, а теперь забудем тревоги и заботы, которые нам доставляют злые люди. Прикажи

позвать того, кого я жду. Я так стремлюсь доставить радость, когда уверен в благодарности.

Джироламо передал приказание, и немедленно, к немалому его удивлению, в комнату вошел молодой человек, никак не более семнадцати лет, в одежде немонашесствующего духовенства. Он был строен и нежен, робок и застенчив; его бледное лицо с большими черными глазами, обрамленное черными кудрями, зарумянилось при виде папы, ласково кивнувшего ему. Он торопливо преклонил колени и поцеловал туфлю папы.

Сикст благословил его, потом поцеловал в лоб и любовно посмотрел на его нежное, почти детское лицо.

– Как он похож на твою сестру, Джироламо. Совсем ее мягкий взгляд, ее улыбка. Она недолго пережила мужа своего, а этот ребенок остался на моем попечении... Я буду о тебе заботиться, мой маленький Рафаэлло, – сказал он, опять целуя его в лоб, – у меня приготовлен сюрприз для тебя.

Папа совсем преобразился, глаза его с любовью смотрели на мальчика, худая рука его ласково гладила кудри, закрывавшие небольшую тонзуру.

– У меня есть для тебя сюрприз, дитя мое, в награду за твое прилежание и хорошее поведение в школе. Кроме того, этот сюрприз должен напоминать тебе, когда меня не будет, что ты призван оказать честь имени твоего дяди в служении церкви. Джироламо, дай мне эту шкатулку со стола.

Граф взял черную бархатную шкатулку с золотыми за-

стежками и подал ее папе, преклонив колено.

Сикст, открыв шкатулку, вынул оттуда пурпурную шапку с золотыми кистями, составляющую отличие высшего духовного звания и дающую ее обладателю первенствующее место перед всеми светскими титулами. Он возложил эту шапку на голову удивленно смотревшего Рафаэлло и торжественно произнес:

– Моему племяннику не подобает медленно подниматься до высших ступеней. Светские правители окружают себя ближайшими родственниками, на преданность которых могут рассчитывать. Тем более должен это делать я, глава христианства. Мои задачи выше всех светских целей, и престол мой стоит выше всех престолов мира; поэтому мне больше, чем королям, нужна преданность и добровольное повиновение тех, которые призваны вести вместе со мной борьбу для подчинения всякой светской власти кресту и церкви. Прими из моих рук это отличие и исполняй долг твоего высокого звания на благо церкви и к чести твоего рода.

Он нагнулся и поцеловал в лоб юного кардинала, который краснел и бледнел, не находя слов, и со слезами на глазах поцеловал руку папы.

– Завтра я объявлю твое назначение в консистории, – продолжал папа. – Теперь иди и подготовься должным образом приветствовать святейшую коллегия. И еще вот что: я хочу, чтобы имя Риарио было в числе высших духовных представителей, поэтому ты будешь носить его теперь в честь своего

дяди, а тебе, Джироламо, я приказываю передать твое имя Рафаэлло. Он тебе родственник по крови.

– Как можем мы отблагодарить за столько милостей и отличий? – воскликнул Джироламо, опускаясь на колени рядом с Рафаэлло.

– Преданностью и поддержкой в борьбе с моими врагами, а также привязанностью к вашему дяде, – добавил папа задушевым голосом. – Иди, сын мой, помещение твое готово. Ты в последний разходишь в него как мальчик и ученик – завтра кардинал Риарио займет свое место в высшем церковном совете. А ты, Джироламо, позови камерленго и Бартоломео, а также художника Мелоццо де Форли, они ждут в приемной.

Рафаэлло удалился, совершенно потрясенный неожиданной милостью, а призванные к папе вошли в комнату. Он приказал Джироламо и камерленго встать за его креслом, а монсеньор Бартоломео, высокий видный мужчина с умным, добрым лицом, опустился на колени перед ним. Художник подошел к мольберту и начал готовить краски.

– Я хочу, чтобы момент назначения мною моего дорогого ученика Бартоломео хранителем сокровищ моей библиотеки был увековечен для потомства. Картина эта предназначается для большого зала в библиотеке, и, таким образом, Бартоломео будет навсегда связан с местом своих работ.

Бартоломео поблагодарил за честь, художник взялся за кисти, а папа вежливо и приветливо разговаривал об искус-

стве и науках, и никто бы не узнал в нем грозного пастыря церкви, сражающейся за свое могущество, только что произнесшего свой приговор над семьей Медичи, которую боялись и почитали далеко за пределами Италии.

Глава 5

Во дворце Медичи, где над порталом высечен был из камня их герб – шары и страусовые перья, непрерывно шла оживленная жизнь: поминутно являлись и посылались гонцы, под арками расхаживали художники и ученые, чиновники и судьи, в одеждах из парчи и бархата, в ярко-красных шапках, группами стояли и разговаривали о делах городских и государственных, тесно связанных в то время со всеми политическими вопросами.

В отдаленной части громадного дворца, окружённого садами, находилось помещение Лоренцо Великолепного, главы дома Медичи, все обнимавшего своим зорким глазом, к словам которого с трепетом прислушивались в Венеции и Генуе, в Милане и Неаполе, во Франции и Германии, а главное – при папском дворе в Риме.

Дом Медичи в течение многих поколений занимал в своем родном городе Флоренции и зависящих от нее территориях странное и редкое положение, которое после смерти Пьетро де Медичи, по желанию синьории – высшего совета республики, перешло к обоим его сыновьям, Лоренцо и Джулиано.

Венеция избирала дожа, который имел неограниченную власть. В Милане кондотьер де Сфорца оружием достиг власти и упрочил ее за собой и своим потомством с присвоени-

ем герцогского титула.

Во Флоренции же сохранялась демократическая республика со всеми ее законами и избираемыми народом должностными лицами, однако Медичи, не занимая, в сущности, никакого определенного положения в управлении, были настоящими правителями, назначая всех служащих и неся официальное представительство. Они упорно отказывались от титулов и всех внешних знаков княжеского звания и тем самым закрепили за собой любовь народа и полную готовность его подчиняться их власти. Для сношений с другими государствами, очень обширных у Флоренции того времени, посланники назначались, правда, синьорией, но выбор их зависел всецело от Медичи. От них они получали инструкции и приказания. Точно так же и представители иностранных держав – они в торжественной аудиенции предъявляли синьории свои верительные грамоты, а затем для всех дипломатических переговоров обращались исключительно к Медичи.

Это положение вполне соответствовало возникновению могущества Медичи. В Милане Сфорца, как солдат, оружием завоевал себе герцогскую корону, а Медичи своим положением во Флоренции обязаны были деньгам. Банк Медичи имел филиальные отделения в Италии и во всей Европе, и несметные богатства стекались к нему благодаря умному и смелому ведению дел. С разумным расчетом Медичи употребляли немалую часть богатств на украшение родного

города, обращая его в центр искусства и наук, и почти все граждане Флоренции, не исключая самых последних бедняков, пользовались их поддержкой; Медичи помогали везде, где надо было предотвратить нужду или поддержать деньгами труд и торговлю. Процветание Флоренции было главным образом их заслугой, и патриотическая и личная благодарность народа тем охотнее подчинялась власти щедрых правителей, что враги Медичи, к которым более или менее открыто принадлежали старинные фамилии, прежде державшие власть в своих руках, стремились ввести во Флоренции олигархическое правление, по образцу Венеции, при котором власть сосредоточивалась бы в определенном замкнутом кругу. Народ же видел в могуществе Медичи противовес и отражение собственной независимости и горячо отстаивал их положение. Когда после смерти Пьетро де Медичи власть и почет перешли по наследству к его обоим сыновьям, Лоренцо, один, без решений и соглашений, взял правление в свои руки, как старший и более подходящий к этому положению по своему складу ума и характера. Он обладал ясным, рассудительным умом, созданным именно для дальновидных расчетов и спокойного выжидания результатов, как в делах, так и в политике, тогда как Джулиано имел поэтический, мечтательный характер и при этом большую склонность к наслаждениям жизни, от чего всегда воздерживался Лоренцо, с юности отличавшийся слабым здоровьем, хотя он и тогда уже любил роскошь и широту представительства, чем

заслужил прозвище Великолепный, сохранившееся за ним в истории.

Целый ряд комнат, наполненных сокровищами искусств, доказывающими богатство и изысканный вкус правителя Флорентийской республики, предшествовал рабочему кабинету Лоренцо, с окнами, выходящими в сад, соединенному галереей с роскошными жилыми комнатами. Роскошь была и здесь – в великолепных мозаичных полах из разного мрамора, в немногих, но выдающихся произведениях живописи и скульптуры, в тяжелых серебряных канделябрах с хрусталем, но при этом сразу было видно, что это место труда и кипучей умственной деятельности. У одного окна стоял большой резной письменный стол с громадным количеством счетных книг и документов в образцовом порядке. На другом столе, с серебряными львиными лапами вместо ножек, лежали древние рукописи и экземпляр святой Библии в двух больших томах, выдающееся произведение того времени в области быстро развивающегося книгопечатания, а также разные рисунки, наброски и модели построек и памятников. На третьем столе, несколько меньшего размера, лежали ноты на пергаменте и тексты романсов на итальянском и латинском языках, а над столом висели чудной работы гитара и мандолина, любимые струнные инструменты той эпохи для сопровождения пения.

Все это доказывало, что глава дома Медичи и Флорентийской республики такой же знаток в искусствах, как и в се-

рьезных делах, и что его ясный ум умеет соблюдать правильность и порядок во всех областях его разнообразной деятельности.

Лоренцо сидел у письменного стола в удобном кресле с мягкими подлокотниками, заканчивающимися головами сатиров.

Ему было не более двадцати девяти лет, но он казался старше из-за сутуловатости и болезненной бледности оригинального лица, казавшегося крайне некрасивым на первый взгляд. Темные волосы его с пробором посередине, по тогдашней моде, гладко лежали на плечах и уже начинали редеть. Глубоко ввалившиеся темные глаза, под бровями обыкновенно сдвинутыми, принимали разнохарактерные выражения: то они смотрели холодно, то грозно и гордо, а иногда светились так ясно и приветливо, что покоряли все сердца. Нос у него был большой, сильно выдающийся, орлиный, рот тоже большой, несколько искривленный. Нижняя губа выступала, развитый подбородок показывал силу воли и энергию. Но этот рот, имевший почти отталкивающее выражение, когда Лоренцо молчал, делал его, в сочетании с разнообразным выражением глаз, невероятно обаятельным, когда он разговаривал. Лоренцо умел уговорить, если не убедил, самых злейших противников.

На Лоренцо был надет длинный, ниже колен, камзол, стянутый кожаным поясом с золотыми застежками, подбитый и опушенный у ворота и рукавов дорогим мехом. У пояса ви-

сел кошелек и тонкий носовой платок.

Лоренцо сидел, нагнувшись над книгой с пергаментными листами и длинными рядами цифр... Но вот он откинулся на спинку кресла, с суровым выражением, которое было свойственно ему всегда при глубоком размышлении, и долго смотрел в потолок.

– Лионский банк предлагает нам не особенно верное дело, – проговорил он наконец. – Обеспечения ненадежны и легко могут утратить свою ценность, если король Франции, слово которого не представляет верного ручательства, не захочет их выполнить. Сорок тысяч – крупная сумма, но королю нужны деньги. Если мы поможем ему их достать, он будет благодарен, тем более что думает воспользоваться нами еще, и мы вообще ему нужны, так как он все еще смотрит на Неаполь. Я, конечно, никогда не помогу Анжу найти дорогу туда, но держать нить в своих руках всегда полезно, так как я не уверен в короле Ферранте Арагонском. Если мы откажем в содействии, король Людовик станет нашим врагом, и даже опасным, а этого допускать нельзя. У нас и так много врагов, готовых помочь папе придавить нас и принудить к повиновению, поэтому дело надо сделать. Деньги должны служить политике, а если мы понесем убытки, то политика же укажет средство их восполнить.

Быстро решившись, он позвонил и приказал вошедшему лакею просить к себе брата Джулиано.

В ожидании брата Лоренцо подошел к другому столу и,

стал внимательно рассматривать начерченный на пергаменте план.

– Прекрасно, – проговорил он, – это вполне соответствует моей мысли. Это Поджо Каяно – чудо красоты, и если природа так щедро одарила его, то и искусство может ей помочь. Нигде я не могу воздвигнуть резиденцию, более достойную нашего имени и дома. Все отлично придумано, и изменять ничего не надо, но одно только забыто: когда там будет воздвигнут величественный замок, конюшни не могут оставаться в прежнем виде, а скотоводство должно постоянно развиваться. Я уже составил план – надо усовершенствовать породу скота, сено там превосходное, расширить производство сыра, и тогда невыгодный ввоз его из Ломбардии окажется совершенно ненужным. Хозяйство должно давать средства для роскоши, но должно также по внешности соответствовать ей.

Лоренцо опять посмотрел на план и продолжал свои размышления:

– Так будет хорошо. На некотором расстоянии от замка есть пригорок. Там будут построены конюшни, окруженные высокими стенами, с башнями на углах, и все это еще более украсит нашу благодатную местность.

Он взял карандаш и сделал набросок.

В это время лакей отворил дверь, и вошел Джулиано де Медичи. Он был четырьмя годами моложе Лоренцо, но казался много юнее его при своем высоком росте и крепком, но

стройном и гибком сложении. Его правильное смуглое лицо вполне сохраняло свежесть молодости, черные волосы рассыпались густыми кудрями, а черные глаза умели гореть огнем и страстью и умели проникать в душу бесконечно мягким, ласковым взглядом. На нем был узкий камзол, длинные чулки с башмаками и широкий плащ. На роскошной перевязи висела изящная шпага, а у пояса – маленький кинжал. Одежда его блестела золотом и парчой, и он сам, веселый и жизнерадостный, производил впечатление щеголя, пользующегося молодостью, богатством и высоким положением без малейшей склонности смущаться заботами и тревогами. Он подошел к брату, нежно обнял его и сказал, глядя на пергамент с планом:

– А, дорогой Лоренцо, ты строишь, как я вижу, твое Поджо Каяно... Если ты позвал меня, чтобы спросить моего совета, то вряд ли я могу служить тебе. Ты понимаешь все это лучше меня, а я могу тебе пригодиться только после освящения, если нужно будет устроить блестящий праздник.

– Надеюсь, я скоро обращусь для этого к твоему совету, – с улыбкой ответил Лоренцо, – но сегодня, прося тебя прийти, я не собирался говорить об этом, а хотел сообщить тебе, что все-таки признаю нужным закончить известное тебе дело, предложенное Лионским банком, чтобы угодить этим королю Франции. Мы не можем восстанавливать его против себя, так как придется, пожалуй, обратиться к его помощи, если наши враги станут слишком сильны и опасны.

– Пожалуйста, Лоренцо, решай все это сам, – нетерпеливо отозвался Джулиано. – Ты умеешь спокойно обсуждать прошлое и будущее, а я живу только настоящей минутой. Ты вникаешь во все сложные вопросы политики, а я никогда не умел подчинять время моей воле. Если синьория доверила нам обоим управление из уважения к памяти нашего отца, то все-таки ты один распоряжаешься и знаешь, что я во всем подчиняюсь твоей воле, как и следует подчиняться старшему и во всех отношениях превосходящему меня брату. Поэтому решай и это дело сам. А я хочу сохранить дружбу короля Франции, хотя не хотел бы никогда прибегать к его помощи против моих соотечественников: я итальянец, прежде всего, и стремлюсь только к единению нашего отечества, дабы оно заняло подобающее ему положение в Европе.

Лоренцо мрачно смотрел в пол, но, видимо, не был расположен продолжать начатый братом разговор.

– Итак, я покончу это дело с твоего согласия, а потом ты, может быть, посетишь короля Людовика XI. Путешествие во Францию доставит тебе удовольствие. В почетном приеме я уверен, а кроме того, у меня есть план на будущее, о котором я хотел бы с тобой поговорить.

– Поездка во Францию! – почти испуганно вскрикнул Джулиано. – Да, да, конечно... это очень хорошо, но не теперь, не зимой.

– Нет, нет, – улыбнулся Лоренцо, – ты поедешь весной. Поэтому, если твое сердце привязано теперь, не тревожься.

Я знаю, что эти оковы у тебя бывают из хрупких цветов, а не из прочного металла.

– Ты напрасно смеешься надо мной, – краснея, возразил Джулиано. – Я часто мимолетно увлекался, но способен также на серьезные, прочные привязанности.

Лоренцо пожал плечами, очевидно мало доверяя словам брата.

– Поговорим серьезно, и выслушай, что я наметил для твоей будущности, так как мне нужно же позаботиться о судьбе моего легкомысленного брата.

Джулиано, с трудом скрывая замешательство, со вздохом сел против брата у письменного стола.

– Я должен, конечно, выслушать тебя, Лоренцо, и поблагодарить за твои заботы, хотя мне было бы приятнее, чтобы ты будущее предоставил времени, а мне дал бы пользоваться радостным и кратким настоящим.

– Нет, – сказал Лоренцо, качая головой, – кто так высоко поднялся, как мы, тому нельзя ни на минуту упускать из виду будущее. Я не хочу портить твоё наслаждение настоящим, но не надо забывать, что наше счастье и сила дали нам много врагов, и поэтому каждый из нас должен стараться дополнить счастье рассудком и поддерживать прочное основание нашей силы. Папа очень склонен был дать тебе кардинальскую шапку, и если бы ты мог решиться принять посвящение...

– Никогда, ни за что! – горячо перебил Джулиано. – Я был

бы дурным пастырем и не делал бы чести ни священной коллегии, ни нашему дому. Я вполне светский человек, и серьезные обязанности жизни я лучше и охотнее исполнил бы с мечом в руке, чем в монашеском одеянии.

– Я не уговариваю тебя, – возразил Лоренцо. – Я хотел бы высшего духовного звания для нашей семьи не для почета сегодня, а опять-таки для будущего. Кардинал из дома Медичи имел бы право надеяться при наших связях и могуществе возложить на свою голову корону или занять папский престол. Только тогда мы достигнем подобающей нам высоты, только тогда добьемся конечной нашей цели объединения и возвеличения Италии, к которому я стремлюсь, как и ты.

– Я люблюсь твоим смелым, всеобъемлющим умом, но не мне быть его орудием. Я никогда не сумею проложить себе путь к папскому престолу, и даже если бы это удалось, я никогда не смог бы выполнять эту тяжелую обязанность перед церковью и нашим домом.

– К сожалению, я это знаю, – со вздохом сказал Лоренцо, – и больше об этом говорить не будем. Нельзя навязывать человеку призвание, не свойственное его натуре, а следовательно, невыполнимое для него. Что не удастся теперь, может удасться со временем, если Господь сохранит моего маленького Джованни, которого я с детства воспитываю и готовлю для своих планов. А ты брат мой, все-таки должен думать о своем будущем или позволить мне о нем заботиться.

Ты должен жениться, чтобы упрочить продление нашего рода и через жену свою содействовать блеску и могуществу нашего дома.

– Жениться... теперь, во цвете лет? Я и думать об этом не хочу, на это еще есть время.

– А я думаю, – строго сказал Лоренцо, – и все серьезно обдумал. Надеюсь, что ты долго проживешь, но человеческая жизнь висит на волоске, поэтому нужно холодно и спокойно позаботиться о будущем. Я наметил для тебя принцессу Савойскую или одну из дочерей неаполитанского королевского дома, а может быть, умный Людовик счел бы честью выдать за Медичи французскую принцессу. Через мою добрую Клариссу я породнился с княжеским домом Орсини, очень полезным для нашего преуспевания, а через тебя мы внесем королевскую кровь в наш род.

Джулиано довольно долго сидел молча и, наконец, сказал:

– Поверь, Лоренцо, я вполне понимаю твою благородную гордость, но и в этом отношении я не могу помочь тебе. Пожалуйста, оставь мне мою свободу, она мне нужна, как воздух и свет птице! Оставь все эти планы для твоего старшего сына Пьетро. Он уж и теперь, шестилетним мальчиком, показывает, что будет понимать их.

– Свободу? – повторил Лоренцо. – Я думаю, ты сохранил бы ее, даже если бы подчинился моей воле.

– Нет, нет, если бы я дал клятву верности перед алтарем, я исполнил бы ее свято, нерушимо...

– Во всяком случае, ты мог бы еще некоторое время пользоваться своей свободой, так как эти невесты слишком молоды, чтобы вступать в брак. Но это не мешает заключить союз. Когда они со временем подрастут, и ты полюбишь одну из них, тем лучше для вас, но любовь не может иметь решающего значения для браков, такого рода, как Медичи. Ты знаешь, конечно, что не пламенная любовь свела меня с Клариссой, но мы счастливы даже больше, чем были бы при скоропреходящей страсти.

– Ты не то, что другие люди. Ты владеешь и управляешь собою так же неограниченно, как и другими, а я этого не могу! Оставь мне мою свободу, я только тогда смогу служить тебе.

Джулиано взял брата за руку и с мольбой смотрел ему в глаза.

Не успел Лоренцо ответить, как вошел лакей с докладом, что синьор Козимо Ручеллаи только что приехал из Рима и просит принять его.

– Козимо? Так внезапно и неожиданно? – воскликнул Лоренцо, вскакивая. – Это означает что-нибудь необычайное! Проси его немедленно. Остаься, Джулиано, это дело требует, вероятно, неотложного решения, иначе наш спокойный и осторожный Торнабуони не прислал бы его.

Лакей отворил дверь, и вошел Козимо в дорожном платье, в сапогах со шпорами.

– Простите, уважаемый дядя, что явился к вам, не пере-

одевшись, но дядя Джованни приказал как можно скорее передать вам это письмо.

Лоренцо обнял молодого человека, который сердечно поздоровался с Джулиано и, вынув письмо Торнабуони из кожаной сумки, подал его Лоренцо. Тот быстро сорвал печать и стал внимательно читать, а Джулиано шепотом справлялся об общих друзьях в Риме.

Джироламо Риарио настоятельно требует тридцать тысяч золотых флоринов для приобретения Имолы, – сообщил Лоренцо, прочитав письмо, – хотя Торнабуони заявил ему, по моему желанию, что это неисполнимо. Торнабуони все-таки советует оказать эту услугу папе.

Козимо передал еще все словесные наставления дяди, и Лоренцо, выслушав его, обратился к брату:

– А ты как думаешь, Джулиано?

– Мне кажется, что Торнабуони отчасти прав, – отозвался Джулиано, едва слушавший разговор. – Вражда папы может быть нам опасна, а если придется прибегнуть к помощи Франции, это может быть еще опаснее для всего отечества.

– Позвольте до окончательного решения передать вам еще письмо, – сказал Козимо. – Я получил его уже по дороге с гонцом.

Лоренцо взял письмо, и пока читал, лицо его бледнело, принимая грозное выражение.

– Опасения Торнабуони оправдались: вражда папы стала явной, он лишил нас звания казначея папского престола.

Джулиано испуганно вздрогнул, и Козимо опустил голову при этом известии, которое привез, не зная того.

– Это почти равняется объявлению войны, – сказал Джулиано. – И, пожалуй, будет разумнее пойти на соглашение, чтобы обезоружить папу.

– Никогда! – горячо воскликнул Лоренцо. – Уклоняться от удара, может быть, умно, но гнутья перед ним – это поражение, от которого мы никогда не оправимся. Если крепость Джироламо будет стоять у наших границ и папа своей угрозой принудит нас подчиниться его воле, тогда их цель достигнута, мы обращены в вассалов и самостоятельность Флорентийской республики потеряна навсегда. Мы же призваны сделать ее центром объединенной Италии, оплотом против все захватывающей власти папского престола. Этот центр только тогда исполнит свое назначение, когда будет опираться на могущество Италии, вместо того чтобы дробить ее силы и разводить княжества, которые, как хищники, высасывают ее кровь. Теперь пришло время доказать папе, что у него нет ни власти, ни права за пределами церкви, что мы можем быть его преданными слугами для пользы церкви и родины, но не рабами его произвола для предоставления почестей и богатств недостойным любимцам. Если мы это раз и навсегда докажем, то в Риме примут к сведению, будут воздерживаться от деспотических вождедений и убедятся, хотя бы при будущих папах, что папский престол найдет себе лучшую опору в независимой Италии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.